
И 418/170

1) Кирилл (Наумов, Василий Николаевич; 1823 -1866))

ЖИЗНЬ

СВЯТАГО БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО,

съ иночествѣ

АЛЕКСІЯ.

Изъ XI и XII № журнала «Христ. Чтенія», 1852 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1852.

Изъ XI и XII № журнала «Христ. Чтеніе», 1852 года.



Въ жизни каждаго изъ насъ можно примѣчать двѣ стороны. Одну—, которая вполнѣ принадлежитъ всеблагой волѣ Промысла Божія: сюда относятся—мѣсто и время нашего рожденія, извѣстная мѣра дарованій, обстоятельства жизни, продолженіе нашего странствованія по землѣ до невѣдомой намъ минуты, предопредѣленной свыше. Другую—, которая зависитъ уже отъ насъ самихъ, отъ нашей свободной воли, такъ или иначе пользующейся обстоятельствами жизни, правильно или неправильно употребляющей дарованія Божіи. Жизнь Святыхъ Божіихъ отличается собственно тѣмъ, что всѣми обстоятельствами, въ какихъ протекаютъ дни ихъ, они пользуются, какъ средствомъ угожденія Богу,—всѣ дары, какими Господь благоволитъ ущедрить ихъ, всецѣло посвящаютъ на угожденіе Ему. Жизнь ихъ можетъ быть продолжительнѣе или короче, внѣшняя дѣятельность — многостороннѣе или однообразнѣе, внѣшняя судьба счастливѣе или несчастнѣе. Но и тотъ изъ нихъ, кому Господь судитъ короткій срокъ пришельствія земнаго, посвящая Богу каждую минуту, каждое дѣло своей кратковременной жизни, всею жизнію служитъ Ему и благоугождаетъ Ему. Трудъ и покой, счастіе и несчастіе, все у праведни-

ковъ пріемлется во имя Божіе и употребляется во славу Божію, доколѣ каждый изъ нихъ своимъ путемъ достигнетъ общей цѣли—ближайшаго единенія съ Господомъ въ вѣчномъ царствѣ Его.

Такова въ высшей степени назидательная для каждаго изъ сыновъ православной Церкви жизнь одного изъ нашихъ древнихъ отечественныхъ Угодниковъ Божіихъ, незабвенная для исторіи царства Русскаго, присно-чтимая и прославляемая Церковію православною, — жизнь святаго благовѣрнаго Великаго Князя *Александра Невскаго*, въ иночествѣ *Алексія*. Съ небольшимъ сорокъ лѣтъ судилъ Господь пожить на землѣ этому дивному по дарованіямъ и по жизни Князю, при концѣ жизни иноку. Но слѣдя за его недолговременною жизнію, даже по не совершеннымъ во многихъ отношеніяхъ извѣстіямъ, не знаешь, чему болѣе удивляться, богатству ли даровъ благости Божіей, какими онъ былъ ущедренъ, разнообразію ли и трудности сужденной ему Промысломъ дѣятельности внѣшней, или той истинно-христіанской мудрости, съ какою св. благовѣрный Князь употребилъ въ угожденіе Богу всѣ дары благости Божіей, умѣлъ направить ко спасенію души своей всѣ свои благотворнѣйшія для народа дѣла княжескаго служенія. Господь судилъ ему произойти «отъ благочестиваго корене»: онъ прекрасно воспользовался примѣромъ своихъ предковъ и добрыми наставленіями своихъ родителей, съ младыхъ лѣтъ начавъ подвигъ добродѣтели. Господь призывалъ его потомъ къ непрерывнымъ разнообразнымъ трудамъ княжескаго служенія въ самый тяжкій періодъ жизни русскаго народа: и на княжескомъ престолѣ Новгородскомъ (1236—1245)

и Кіевскомъ (1246—1252), потомъ на великокняжескомъ престолѣ Владимірскомъ (1253—1263), св. Александръ вездѣ и всегда и во всемъ являлся вѣрнымъ слугою и приставникомъ Божіимъ, самымъ признательнымъ сыномъ и благодѣтелемъ своего отечества, истиннымъ, глубоко благочестивымъ Христіаниномъ, преуспѣвавшимъ съ каждымъ днемъ въ христіанскомъ совершенствѣ. За то и Господь не оставлялъ его милостію своею при жизни, не оставилъ благоволеніемъ своимъ и по смерти его. Благословеніе Божіе видимо почивало на успѣшныхъ дѣлахъ его, пріобрѣтшихъ ему земную славу; благоволеніе Божіе на всѣ вѣки почило на немъ, осѣнивъ его славою небесною, прославивъ посмертные останки его, источающія исцѣленія. И назидательно, и утѣшительно для сердца Христіанина изучить подобную жизнь въ возможныхъ подробностяхъ ([1]).

([1]) Источникомъ свѣдѣній о св. жизни благовѣрнаго князя Александра Невскаго служатъ главнѣйшимъ образомъ житія его: I) Составленное современникомъ и помѣщенное (не все) въ Лавр. лѣт. (стр. 204—206), и (все) въ Софійскомъ временникѣ (стр. 249—274), восполняемое частными сказаніями лѣтописей (Лавр. 200 — 204; Новгор. и Псков. П. С. Р. Л. III, стр. 52—58; IV, 35—39; 179—180; V, 2—6). II) Пространное житіе, составленное при митр. Макаріѣ, по случаю канонизаціи св. Александра, находящееся въ рукописяхъ: у насъ было подъ рукою три списка этого житія: 1) принадлежащій библіотекѣ С. п. б. Дух. Акад. (№ 273), — списокъ житія, составленнаго еще до Степ. книги (за что ручается выраженіе: «о нихже послѣди речется въ степ. книзѣ»); въ этомъ спискѣ, присланномъ изъ Владиміра въ 1772 г., запись чудесъ отъ мощей св. Александра доведена до 1706 г.; 2) другой, также принадлежащій библ. С. п. б. Д. Академіи (№ 277), болѣе поздняго произхожденія: въ немъ встрѣчается выраженіе: «якоже послѣди о сихъ дивно и явлено бысть въ торжественной, сирѣчь въ степенной книзѣ», и находится повѣствованіе о «потребленіи Зоси-

I.

Родъ и воспитаніе св. князя Александра Невскаго.

Родъ св. Александра былъ истинно-замѣчательный родъ. Отъ одного поколѣнія къ другому переходили въ немъ наслѣдственныя доблести, между которыми первое мѣсто занимало искреннее благочестіе. Исторія русскаго царства помнитъ всѣ эти знаменитыя поколѣнія. Имена многихъ лицъ, принадлежавшихъ къ нимъ, какъ святыя, записала на своихъ скрижаляхъ и православная Церковь.

Дѣдомъ великаго князя Александра Невскато былъ в. к. Всеволодъ III Георгіевичь. Св. Александръ

мы», которое есть въ Ст. кн., но въ вышеозначенномъ рук. житіи св. Александра нѣтъ; чудесъ въ немъ исчислено немного: 3) третій, бывшій у насъ списокъ, принадлежитъ библ. Александроневской лавры: онъ составленъ при патріарх. моск. Іовѣ по прежнимъ спискамъ, но съ опущеніемъ всѣхъ повѣствованій, прямо не относящихся къ жизни св. Александра (о убіеніи Батыя, о Зосимѣ и пр.); чудеса въ немъ доведены до 1572 г.; въ концѣ приложено «прехвальное слово» св. Александру. III) Третье, также довольно обширное житіе, составленное при митрополитѣ же Макаріѣ и внесенное въ Степ. кн. (255—376) и потомъ въ Никон. лѣтоп. IV) Краткое житіе, составленное тогдаже или вскорѣ затѣмъ и внесенное въ Прологъ подъ 23 Нояб. и въ Чет. М. подъ 30 Авг.-въ библіотекѣ С.п.б. Дух. Академіи есть два его списка. Касательно достовѣрности этихъ позднѣйшихъ, довольно сходныхъ между собою, житій достойно замѣчанія слѣдующее свидѣтельство: «благочестивый царь Іоаннъ Васильевичь, поболѣвъ душею о ненаписанныхъ о св Александрѣ ни отъ когоже, положилъ благъ совѣтъ съ преосв. митр. Макаріемъ, яко да подвигшеся *извѣстно изыскати о святѣмъ* и о послѣдующихъ чудесѣхъ его и писанію предати въ пользу слышащихъ», и м. Макарій «царево желаніе, паче-же Божіе изволеніе тщася исполнити, созвалъ всеосвященный архіерейскій соборъ, *трудолюбно подвигся*, по священнымъ правиломъ *изыскавъ извѣстно*, обрѣте, со вящцѣмъ опасеніемъ повелѣ мнѣ (говоритъ о себѣ составитель житія) убогому написати сіе»,

не засталъ уже его въ живыхъ ([2]). Но онъ не могъ не знать о добрыхъ свойствахъ и дѣлахъ своего дѣда, заслужившаго имя *великаго* ([3]). Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ князей Русскихъ, украшенный и лучшими качествами внутренними, и добродѣтелями семейными, и доблестями гражданскими. Разсказывая о его подвигахъ и славѣ, что онъ «много мужества и храбрости на бранѣхъ показа», и что «сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изыде слухъ его», лѣтописи как–бы въ объясненіе прибавляютъ: «понеже не взношашеся, не величашеся о себѣ, но на Бога о всемъ взлагаше всю надежду: и Богъ покоряше подъ нозѣ его вездѣ вся враги его» ([4]). «Многи же церкви созда по власти своей.... Имѣяше бо присно страхъ Божій въ сердци своемъ, подавая требующимъ милостыню, судъ судя истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица сильныхъ...; любяше же по

([2]) Св. Александръ родился ок. 1220 г. *Татищевъ* прямо указываетъ годъ и даже день рожденія св. Ал.—30 Мая 1219 г. (Ист. кн. III, стр 423), относя рожденіе старшаго сына Ярославова кн. Θеодора къ 1218 г. (стр. 418). Можетъ быть, правильно указанъ у него день (замѣчательный въ такомъ случаѣ въ исторіи нашей день: 30 Мая родился и Петръ вел.); но по лѣтописямъ рожденіе Θеодора относится къ 1219 году (Лавр. 188); слѣд. справедливѣе считать годомъ рожденія св. Александра 1220. Всеволодъ же Георгіевичь скончался, по И. Г. Р., ссылающ. на *воскр. лѣт.*, и по Арцыб. (т. II, стр. 283), 1212 г. Апр. 15 д. (т. III, прим. 138); по Соф. врем. въ 1212 г. Апр. 13 (стр. 218); по лѣт. Переясл. субд. въ 1212 Апр. 16 (стр. 110).

([3]) Кар. И. Г. Р. т. III, ст. 82, изд. Эйнерл. 1842.

([4]) Лѣтоп. Переясл. суд. такъ выражается объ этомъ: «бѣ заступникъ твердъ и непобѣдимъ во всѣхъ мѣстахъ, *силою честнаго креста*, и не токмо единой суздальской земли заступникъ бѣ, но и всѣмъ странамъ землѣ роульскыя, и новгородской, и муромской». Стр. 110.

многу и черноризскій и поповскій чинъ. Тѣмъ, продолжаютъ лѣтописи, и дарова ему Богъ чада добромысленна, яже и воспита въ наказаньи, и въ разумѣ совершеннѣ, даже и до мужества» (5).

Не менѣе поучительный примѣръ благочестія представляла въ себѣ потомству своему и бабка св. Александра, в. к. Марія (6). «Преизлиха добрая», благочестиво провела она жизнь свою, «издѣтска, въ страхѣ Божіи, любя правду, вздающи честь епископомъ и игуменомъ, и черицемъ, и пресвитеромъ, утѣшая печальныхъ и нуждающихся и больныхъ, и подавая имъ требованіе». По непостижимымъ судьбамъ Промысла, за семь или восемь лѣтъ до смерти ее постигнулъ тяжкій недугъ. Но въ это-то время и открылась вполнѣ вся сила ея благочестія. Съ благодареніемъ переносила она болѣзнь свою, поминая терпѣніе праведнаго Іова и вольныя страсти Христовы за мірскій животъ и спасеніе, и часто повторяя слова Іова: *аще благая пріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ?* Если что озабочивало тогда сердце ея, то это одно только — утвержденіе дѣтей въ благочестіи и добрѣ. Часто призывала она ихъ къ болѣзненному одру своему и поучала ихъ страху Божію... Не удивительно, что

---

(5) Лавр. лѣт. стр. 184 — 185. Соф. врем. 218 — 219. Подробн. см. И. Г. Р. т. III, гл. 3, стр. 28—87 по изд. Эйнерл. 1842.

(6) Первая супруга великаго князя Всеволода; она была дочь князя Чешскаго Дмитрія Юрьевича Шварнова (Ст. кн. 1, 290). Послѣ кончины ея Всеволодъ женился еще (по Кар. въ 1209, см. т. III, стр. 82, а по лѣтоп. Переясл.užд. въ 1211, см. стр. 109) на дочери Витебскаго князя Василья Брячиславича, по Татищ. (стр. 364)—*Любови*, по лѣт. Переясл. Сузд.—*Софіи*, а по Степ. кн. *Анны*, (292). Эта княгиня, по смерти Всеволода, также постриглась въ монахини (Тат. 374): можетъ быть, тогда-то и наречено ей имя Анны.

такая мать воспитала такихъ благочестивыхъ сыновей, каковы были, на пр., Георгій и Константинъ!..Но—еще нѣсколько словъ о послѣднихъ дняхъ благочестивой Княгини. 2 Марта 1206 г. перешла она съ болѣзненнаго одра въ устроенный ею монастырь пресвятыя Богородицы, сопровождаемая мужемъ и дѣтьми (Георгіемъ и Всеславою), духовенствомъ, боярами и гражданами. Чрезъ 17 дней (19 марта) съ прежнимъ именемъ Маріи (7), но въ новомъ санѣ инокини, скончала она свои страдальческіе дни (8).

Живый свидѣтель добродѣтелей Всеволода и Маріи предъ своими дѣтьми, в. к. Ярославъ Всеволодовичь, отецъ св. князя Александра, самъ, въ свою очередь, представлялъ въ себѣ своимъ дѣтямъ добрый примѣръ. Исторія помнитъ его благоразуміе дѣятельное и бодрость въ государственныхъ несчастіяхъ, гибкость и превосходство ума, которыми онъ снискалъ почтеніе самыхъ варваровъ—Татаръ (9). Но не это только отличало его среди князей Русскихъ. Лѣтописи хранятъ память о добротѣ его души, по которой онъ былъ «милостивъ ко всякому, требующимъ не возвратно даяше» (10); объ его вѣрѣ и благочестіи, объ усиліяхъ къ распространенію Христіанства, которымъ онъ просвѣтилъ Кореловъ (11); объ его сострадательности и готов-

---

(7) Степ. кн. говоритъ, будто ей при постриженіи дано имя Марѳы. Но противъ этого лѣтописи, въ которыхъ замѣчается нарочито, что ей дано тоже имя, что и при крещеніи (Лавр. 178. Лѣт. Переясл.Užд. 107).

(8) Лавр. л. 178—179. Лѣт. Переясл.užд. 107—108. Степ. кн. 290—292. Ист. Г. Р. т. III стр. 83. и прим. 142.

(9) Ист. Г. Р. т. IV стр. 23. изд. ук.

(10) Соф. врем. 266. Сн. степ. кн., 321.

(11) Лавр. 191 И. Г. Р. т. III, стр. 148.

ности на помощь нуждающимся, чего бы ни стоила ему самому эта помощь; объ его начатомъ молитвою и успѣшномъ, силою креста честнаго и молитвами святыя Богородицы и Архангеловъ Михаила и Гавріила, походѣ противъ Литвы, объ его походѣ на Емь, «гдѣ ни единъ отъ князь русскихъ не взможе бывати» и куда онъ принесъ побѣду, за которую впослѣдствіи славилъ и хвалилъ Бога ([12]); объ его, наконецъ страдальческой ([13]) кончинѣ отъ Татаръ, которую такъ высоко цѣнили современники и ближайшіе потомки, что готовы были считать его въ числѣ святыхъ ([14]), по крайней-мѣрѣ, уповали, что Господь «причте его ко избранному своему стаду праведныхъ селенія» ([15]).

Подобно в. к. Ярославу Всеволодовичу, и супруга его, мать св. Александра, Ѳеодосія назидала дѣтей своихъ примѣромъ своей жизни. Лѣтописи не сохранили до насъ памяти о дѣлахъ ея. Но самое лучшее свидѣтельство о ея добродѣтеляхъ составляютъ тѣ короткіе отзывы, какіе лѣтописи дѣлаютъ о ней, единогласно называя ее *святою* ([16]). Она кончила жизнь (1244) въ монашескомъ чинѣ, припявъ имя Ев-

---

([12]) Лавр. 110.

([13]) Противъ И. Г. Р. т. III, стр. 22—23 свидѣтельствуютъ—Соф. врем. стр. 266, гдѣ прямо сказано, что онъ умеръ «нуждною смертію», и Плано-карпини, у Арцыб. т. 2, стр. 11.

([14]) И. Г. Р. т. IV, прим. 38; слѣд. несправедливо замѣчаніе, сдѣланное также т. IV, гл. 1, стр. 23.

([15]) Степ. кн. 1, 324.

([16]) Соф. врем. 250; Лавр. л. 204.

фросиніи (17): примѣръ, которому послѣдовалъ при концѣ жизни и св. Александръ (18).

Самовидецъ святой жизни и кончины своей матери, св. Александръ былъ самъ свидѣтелемъ или отъ ближайшихъ свидѣтелей могъ слышать о добродѣтельной жизни многихъ и изъ своихъ родственниковъ. Не могъ онъ не знать о добродѣтеляхъ своего старшаго дяди Константина Всеволодовича, котораго по смерти (1219) оплакивали великимъ плачемъ всѣ, «бояре, яко заступ-

(17) Соф. времен. 239. Тат. 4, 12.

(18) Если согласиться съ мыслію издателя лѣт. Переясл. сузд. (Моск. 1851 г. Предисл. стр. III), что Ярославъ, женившись въ 1214 г. на дочери Торопецкаго князя Мстислава Мстиславича, отъ нея именно имѣлъ большое потомство, котораго первенецъ род. 1219 г., и что слѣд. мать в. к. Александра была дочь Мстислава, нареченная при рожденіи Ростиславою, а при крещеніи, вѣроятно, другимъ именемъ (напр. Ѳеодосіею): въ такомъ случаѣ надобно прибавить, что примѣръ святой матери восполнился для св. Александра и прекраснымъ примѣромъ дѣда по матери. Воинственною жизнію (Ист. Рос. *Соловьева*, т. II, стр. 373, заслуживъ имя *удатнаго* (Арц. 1, стр. 329, пр. 2080), *храбраго*, даже *великаго* (И. Г. Р. III. гл. VIII стр. 133; св. И. Р. Н. *Полев.* т. 3, стр. 203-290. 335), Мстиславъ преставился въ схимѣ (воскр. л. II. 185). Согласиться же съ мыслію изд. лѣт. Переясл. сузд. (см. Арц. 1, прим. 2177), можно, по крайней мѣрѣ. на томъ основаніи, что въ лѣтописяхъ нѣтъ ни малѣйшаго намѣка на третій бракъ Ярослава, послѣ брака 1203 г. съ Юрьевною Кончаковича (Лавр. 180) и потомъ 1214 г. съ дочерью Мстислава (Лѣт. пер. Суэд. III). Мы не знаемъ когда послѣдовало примиреніе Ярослава съ Мстиславомъ послѣ непріятностей изъ-за Новагорода въ 1215 — 1216 г. и когда возвращена была Ярославу супруга, взятая у него отцомъ ея. Но, съ другой стороны, нигдѣ не находимъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы совершенъ былъ окончательно разводъ, или чтобы Ярославъ вступилъ въ новый бракъ... Вѣроятнѣе, что ссора окончилась примиреніемъ, и по возвращеніи Ярославу жены, дѣла князей пошли обычнымъ порядкомъ, и о семейныхъ дѣлахъ Ярослава нечего было замѣчать лѣтописцамъ, записывавшимъ безъ всякихъ объясненій извѣстія о рожденіи у него дѣтей.

ника земли, ихъ, слуги также, яко кормителя и господина, убогіе и черноризцы, яко утѣшенье и одѣнье наготѣ ихъ, князья—братья, какъ отца и брата любимаго» ([19]), —котораго добродѣтели почтила сама св. Церковь, причисливъ его къ лику святыхъ ([20]). Другой, также святый ([21]); дядя его в. к. Георгій Всеволодовичъ, украшенный благочестіемъ, скончалъ горькіе дни свои, можно сказать, на глазахъ св. Александра въ 1238 году. Отъ Владиміра до Новагорода не долго было дойти вѣсти объ изумительномъ терпѣніи великаго князя, съ упованіемъ на промыслъ Божій выслушавшаго извѣстіе о взятіи Татарами его роднаго города и о смерти супруги и дѣтей ([22]), и объ истинно-христіанскомъ мужествѣ и великодушіи, съ какими, послѣ горькаго извѣстія, рѣшился онъ продолжать брань съ врагами отечества и положилъ жизнь свою за спасеніе его ([23]). Третій дядя, Василій Всеволодовичъ, скончавшійся въ 1249 г., тоже причисленъ Церковію ко святымъ ([24]). Въ ликѣ святыхъ считаетъ, наконецъ, Церковь роднаго брата св. Александра, князя Θеодора, скончавшагося въ молодыхъ лѣтахъ (1233) ([25]), и брата двоюроднаго, сына св. бл. князя Константина, Василія (Василька) Константиновича, прекраснаго и по наружности, и по внутреннимъ добрымъ качествамъ—храб-

([19]) Лавр. 188 Тат. III, 410—416, гдѣ выписаны прекрасныя поученія князя боярамъ и дѣтямъ. Степ. кн. 1. 324-327.

([20]) Слов. истор. о свят. стр. 158. Пережившая его супруга тотчасъ по смерти его приняла монашество съ именемъ Агаѳіи и скончалась въ 1221 г. (Лавр. 188. И. Г. Р. т. III, прим. 179).

([21]) Слово истор. о св. стр. 74—77.

([22]) Лавр 198

([23]) И. Г. Р. т. III, стр. 171.

([24]) Слов. о свят. стр. 54.

([25]) Сл. о свят. стр. 276—277. Соф. врем. стр. 237.

рости, добродушію и ласковости [26], мученически скончавшагося въ плѣну у Татаръ [27]. Ихъ уже во всякомъ случаѣ не могъ не знать св. Александръ [28].

Что же удивительнаго, если, подъ вліяніемъ такихъ прекрасныхъ семейныхъ воспоминаній, подъ дѣйствіемъ такихъ добрыхъ современныхъ впечатлѣній со стороны благочестиваго родства, подъ управленіемъ такихъ богобоязненныхъ родителей, св. Александръ «измлада Христа возлюби, и пречистую Богородицу, и вся святыя» [29], и «отъ юна возраста и отъ младыхъ ногтей всякому дѣлу благу наученъ бысть» [30]? Одинъ изъ жизнеописателей его такъ описываетъ годы юности его: «потщанно бѣ св. Александру отъ *отеческихъ* ни въ чесомъ же отстати, но вся исполнити преподобнѣ и праведнѣ». И вотъ именно добродѣтели, въ которыхъ онъ особенно преуспѣвалъ въ дни юности: въ основаніи всей его жизни лежало искреннее благочестіе и безраздѣльная любовь къ Христу. По силѣ

---

(26) Лавр. л. 199.

(27) Слов. о свят. 53—54.

(28) Съ Ѳеодоромъ они вмѣстѣ жили въ Новѣгородѣ. Что касается до другихъ родственниковъ св. Александра, то почти о каждомъ изъ нихъ лѣтописи дѣлаютъ какое либо доброе замѣчаніе, особенно со стороны благочестія. Дядя св. Александра Владиміръ—Димитрій Всеволодовичъ скончался въ 1228 г. схимникомъ. Текла, жена Святослава Всеволодовича, дочь князя муромскаго, еще при жизни мужа рѣшилась принять монашество (И. Г. Р. т. III. примѣч. 369). Упомянемъ еще о двоюродныхъ братьяхъ св. Александра—Владимірѣ Всеволодѣ и Мстиславѣ Георгіевичахъ, сыновьяхъ св. Георгія Всеволодовича, положившихъ души свои въ битвѣ съ Батыемъ въ 1237 г. (И. Г. Р. т. III, 169—170); о племянникахъ Михаилѣ Ярославичѣ и супругѣ его кн. Аннѣ, и Глѣбѣ Андреевичѣ, причисленныхъ, хотя и позже уже Александра невскаго, ко святымъ (Слов. о свят. стр. 190. 179 и 30),—и наконецъ, о сынѣ св. Александра св. Даніилѣ—князѣ московскомъ, котораго св. мощи обрѣтены 1652 г. *30 Августа* и перенесены изъ церкви св. Михаила въ Даниловъ монастырь въ Москвѣ (Сл. о св. 84).

(29) Прол. Нояб. 23.

(30) Рукоп. жит. св. Александра въ библ. С.п.б. Д. Ак. № 273, Спис. Александр. Лавры л. 5.

этого благочестія и любви, онъ чуждался всякаго разсѣянія, «отъ мірскихъ суемудріи отврати себе, душетлѣнныхъ же и Богоненавистныхъ игръ и бѣсовскихъ сонмъ до конца возгнушася»; а любимымъ занятіемъ имѣлъ чтеніе священныхъ книгъ (31) и пѣніе церковныхъ пѣсней, которыми любилъ онъ оглашать слухъ свой. Отъ такихъ занятій въ продолженіе дня, естественъ былъ переходъ къ тайнымъ молитвамъ въ тишинѣ ночи, — и эти молитвы, на самомъ дѣлѣ, были однимъ изъ любимыхъ его подвиговъ: «излишно бѣ у него бдѣнія всенощная и утаеныхъ къ Богу молитвъ присвоеніе», говоритъ о немъ его жизнеописатель, прибавляя къ этому, что подвигъ молитвы облегчался для св. Александра постояннымъ воздержаніемъ (32). Отъ дѣлъ благочестія онъ переходилъ къ дѣламъ человѣколюбія, являясь «сиротамъ и вдовицамъ заступникомъ и безпомощнымъ помощникомъ» (33), оправдывая свою вѣру и благочестіе самыми дѣлами.... Такъ, все способствовало воспитанію въ св. Александрѣ духа благочестія—и разсказы о предкахъ, и живой примѣръ вообще благочестивыхъ родныхъ, и въ особенности добрыя внушенія благочестивой матери: и онъ, дѣйствительно, впиталъ въ себя этотъ животворный духъ: вся жизнь его, одушевленная живымъ

---

(31) Къ этому чтенію, безъ сомнѣнія, пріучили его первоначально благочестивые родители: «родивше, родители его паки второе породиша ѝ св. крещеніемъ, и *святымъ книгамъ научиша его*». Тамже.

(32) «Многоплищныхъ же сладкихъ ароматъ и любоплотія до конца отвратися». Тамже; сп. Ал. Лавры, л. 6.

(33) Пролог. 23 Нояб.: «не изыде бо изъ дому его никтоже тощь». Сп. рукоп. житіе св. Александра библ. С. п.б. Д. Акад № 233. Степ. кн. 1, стр. 336.

и искреннимъ благочестіемъ, есть непререкаемое свидѣтельство истинно-христіанскаго воспитанія его въ годы юности.

Первые опыты проявленія добрыхъ качествъ въ св. Александрѣ видимъ отчасти и въ тотъ періодъ его жизни, когда отецъ оставилъ его, вмѣстѣ съ его братомъ, св. княземъ Ѳеодоромъ, въ Новѣгородѣ подъ надзоромъ боярина Ѳеодора Даниловича и судіи Іоакима ([34]); а Промыслу благоугодно было самымъ дѣломъ довершить воспитаніе его (1228 — 1236 г.). Не слишкомъ счастливая судьба ожидала осмилѣтняго Князя въ краю, въ которомъ почти постоянно были волненія и ни одинъ изъ князей, предъ временемъ св. Александра, не проживалъ болѣе пяти лѣтъ сряду. На первый разъ князьямъ Ѳеодору и Александру не пришлось прожить въ Новѣгородѣ и одного года. Въ томъ же самомъ году (1228), когда они были оставлены у Новгородцевъ, Новгородъ постигли тяжкія бѣдствія естественныя. Со дня Успенія (15 Авг.) до дня св. Николая (6 Дек.) ([35]) не видѣли тамъ свѣтлаго дня; шли безпрестанные дожди, такъ что сѣно и хлѣбъ гнили на лугахъ и въ поляхъ. Народъ, вмѣсто того, чтобы позаботиться объ умилостивленіи прогнѣваннаго Бога, возсталъ противъ тогдашняго Святителя Новгородскаго (Арсенія), извлекъ его изъ архіепископскаго дома и едва не умертвилъ. Возстаніе усилилось за тѣмъ еще болѣе и разразилось надъ домами тысяцкаго и стольниковъ архіерейскаго и софійскаго, о ко-

---

([34]) Новг. 1, стр. 43.

([35]) Новгород. 1, 48.

торыхъ думали, что они наводятъ на зло князя Ярослава, въ гнѣвѣ оставившаго Новгородъ. Такое самоуправство и волненія были причиною, что юные князья Θеодоръ и Александръ тайно уѣхали съ своими дядьками къ отцу въ то время, какъ вѣче Новгородское послало просить Ярослава возвратиться въ Новгородъ ([36]).

Чрезъ два года (въ Декаб. 1230 г.) ([37]), въ годину новаго искушенія ([38]), недовольные избраннымъ, по отъѣздѣ Θеодора и Александра, княземъ Михаиломъ черниговскимъ ([39]), Новгородцы снова послали за Ярославомъ. Ярославъ прибылъ Декабря 30, пробылъ въ Новѣгородѣ двѣ недѣли и возвратился въ Переяславль, оставивъ Новгородцамъ, по прежнему, князей Θеодора и Александра ([40]). Не радостно было опять поселеніе юныхъ князей въ Новѣгородѣ. Голодъ и моръ продолжался тамъ съ возрастающею силою. Бѣдные люди ѣли мохъ, желуди, сосну, вязовой листъ, липовую кору; иные ѣли даже мясо лошадей, кошекъ, собакъ; нѣкоторые (злодѣи, которыхъ тотчасъ же, по открытіи страшнаго преступленія ихъ, наказывали,

---

([36]) И. Г. Р. т. III. стр. 150—151, изд. ук.; Новгор. 1, 43—44 П. С. Р. Л. т. III.

([37]) Новгор. 1, 47.

([38]) Въ Новѣгородѣ свирѣпствовалъ страшный голодъ, потому что ранній жестокій морозъ въ день Воздвиженія (14 Сент.) побилъ всѣ озими и цѣна на хлѣбъ сдѣлалась неслыханная; за голодомъ открылись болѣзни и моръ, такой сильный, что, когда добрый архіепископъ новгородскій Спиридонъ поручилъ нѣкоему Станилѣ собирать лежавшіе на улицахъ трупы и хоронить, то этотъ Станила въ короткое время собралъ ихъ 3030. (Новгор. 1, стр. 45. Соф. врем. 236).

([39]) Обѣщавшимъ, при вторичномъ отправленіи своемъ въ Черниговъ, возвратиться въ Новгородъ въ Сентябрѣ 1230 г., и, по своимъ расчетамъ, не сдержавшимъ своего слова (И. Г. Р. т. III, стр. 156—157).

([40]) Новгор. 1, 47.

сожигали огнемъ, или вѣшали) ([41]) отъ голода доходили до такого неистовства, что не только рѣшались питаться мясомъ, вырѣзаннымъ изъ мертвыхъ труповъ человѣческихъ, но и убивали живыхъ людей, чтобы потомъ питаться ихъ трупами, — не говоримъ уже о томъ, что многіе прибѣгали для прокормленія себя къ открытому грабежу и насиліямъ, зажигали домы гражданъ, у которыхъ надѣялись найти запасъ хлѣба, и грабили ихъ ([42]). Состраданію къ ближнимъ и дѣламъ милосердія не было уже мѣста тамъ, гдѣ каждый долженъ былъ промышлять себѣ дневную пищу, и какую еще пищу! Трупы были разбросаны по улицамъ и рынкамъ; недоставало времени, не успѣвали приготовить мѣста для погребенія ихъ. А живые о живыхъ и не думали: братъ брату, отецъ сыну, мать дочери не удѣляли хлѣба ([43])…. И не было у несчастныхъ надежды на помощь и облегченіе бѣдствія, потому что вся земля Русская, кромѣ одного Кіева, терпѣла тогда почти тоже самое…. А на Новгородъ еще пала новая бѣда! Какъ страшная кара Божія, огонь объялъ въ немъ богатый конецъ Славянскій и обратилъ его весь въ пепелъ; осталась безъ вреда только церковь св. Иліи (пророка). Уцѣлѣвшіе отъ голода гибли отъ огня, или, спасаясь отъ него, тонули въ Волховѣ, который притомъ не могъ служить и преградою для распространенія огня. «Уже бяше при конци городъ сей»!!… ([44]). Но Господь умилосердился надъ нимъ. Оставшіеся въ живыхъ послѣ мора и по-

---

([41]) Новгор. 1, 47. Арцыб. 1, 337, прим. 2145.

([42]) Новгор. 1, 47, Соф. врем. 236.

([43]) Новгор. тамже; Арцыб 1. 338.

([44]) Новгор. тамже.

жара скоро получили помощь. Нѣмцы изъ-за моря привезли хлѣба. Скоро изчезли ужасные слѣды тяготѣвшихъ надъ Новгородомъ бѣдствій ([45]). Горе не исправило, впрочемъ Новгородцевъ. Въ слѣдующемъ же (1232) году опять они подняли мятежъ, по проискамъ ли князя Михаила черниговскаго, который, уступивъ сначала Новгородъ Ярославу, въ это время снова сталъ принимать къ себѣ бѣглецовъ новгородскихъ и даже отправилъ въ Новгородъ съ дружественными предложеніями родственника своего, князя Трубчевскаго Святослава, — или по поводу совершившихся въ это время событій въ Псковѣ, гдѣ посланные Михаиломъ заключили въ цѣпи сановника Ярославова ([46]).

Въ этомъ же (1232) году, кажется, въ первый разъ привелось св. князю Александру испытать горечь разлуки съ братомъ, съ которымъ доселѣ онъ постоянно жилъ вмѣстѣ. Великій князь Георгій II Всеволодовичь посылалъ тогда сына своего Всеволода противъ Мордвы. Со Всеволодомъ, двоюроднымъ братомъ своимъ, участвовалъ въ походѣ и Ѳеодоръ Ярославичь, вмѣстѣ съ князьями Муромскимъ и Рязанскимъ ([47])...Непродолжительна, конечно, была эта разлука братьевъ—Ѳеодора и Александра: въ 1233 г. мы видимъ Ѳеодора опять въ Новѣгородѣ, гдѣ Александръ оставался.. Но видно, промыслу Божію угодно было непродолжительною разлукою въ предшествовавшемъ году только приготовить ихъ къ разлукѣ, болѣе продолжительной и горькой. Ѳеодоръ возвратился въ Новгородъ,— но-для

([45]) Ист. Г Р. т. III, стр. 158 и примѣчаніе 336. Соф. врем 237,
([46]) Новгор. 1, 48. Архыб. 1. 341—342.
([50]) Лавр. 196.

того, чтобы навсегда почить въ немъ—сномъ смертнымъ... Для него уже готова была невѣста,—и гости собрались, и свадьба предстояла. Но не свадебнымъ пиромъ кончились эти приготовленія, а погребеніемъ: женихъ скончался!. Жалость возбуждала это событіе и въ постороннихъ лицахъ (48). Отца поразило оно такою горестію, что онъ не могъ оставаться въ Новѣгородѣ и уѣхалъ въ Переяславль (49). Можно же судить, какимъ тяжкимъ испытаніемъ было это для св. Александра... Теперь одинокимъ остался онъ въ Новѣгородѣ.

Послѣдніе годы своего княженія въ Новѣгородѣ (1233—1236) Ярославъ провелъ въ борьбѣ съ врагами. Св. Александръ былъ свидѣтелемъ отправленія его къ Дерпту противъ Ливонскихъ рыцарей, а потомъ противъ Литвы, напавшей на (старую) Русу (50). Промыслу Божію, казалось, угодно было предварительно открыть будущему защитнику Новгорода и всей земли Русской всѣ и внутреннія неустройства, и внѣшнія опасности края, гдѣ ему надлежало впослѣдствіи дѣйствовать. И, какъ увидимъ, св. Александръ наилучшимъ образомъ усвоилъ тѣ уроки, какими Господь приготовлялъ его къ трудному подвигу правительственнаго служенія отечеству. Подъ вліяніемъ разнообразныхъ испытаній и лишеній, въ юномъ Князѣ, съ одной стороны, окрѣпли и утвердились посѣянныя еще съ дѣтства сѣмена вѣры и благочестія, съ ощутительною силою проявлявшихся во всѣхъ дѣйствіяхъ послѣдующей его жизни,—съ другой, образовался всегда

---

(48) Новгород. 1, 49, Соф. врем. 237.

(49) Новгор. 1, тамже. И. Г. Р. т. III, стр. 159.

(50) Новгор. 1, 49. Соф. времен. 237. И. Г. Р. т. III, 159—160.

отличавшій его характеръ твердаго мужа—христіанина, который въ жизни видитъ трудъ, а не средство къ самоуслажденію и покою, и готовъ на всякій подвигъ, какъ бы ни былъ онъ тяжекъ, лишь бы только служилъ ко спасенію души и къ благу ближнихъ. Бѣдствія Новгорода воспитали въ Александрѣ съ раннихъ поръ чувство состраданія—начало послѣдующихъ безсмертныхъ подвиговъ его во спасеніе отечества отъ насилія Татаръ; внутреннія неустройства пріучили къ благоразумію, которое впослѣдствіи пригодно было и для него самаго, и для Россіи, не менѣе самаго чувства состраданія; внѣшнія нападенія на Новгородъ враговъ окрестныхъ заранѣе воспитали въ Александрѣ воинственный духъ и храбрость, которую современники не знали, какъ цѣнить, и которой такъ много обязанъ особенно Новгородъ ([31])…. Но перейдемъ къ событіямъ, которыя говорятъ сами за себя.

II.

Княженіе св. Александра въ Новгородѣ (1236—1245).

Въ 1236 году Ярославъ Всеволодовичь занялъ престолъ княженія Кіевскаго; а въ Новѣгородѣ оставилъ сына своего князя Александра Ярославича ([32]). Съ этого времени началось самостоятельное правленіе св. Александра ([33]): начало, по времени, не совсѣмъ отрадное! Лѣтописи связываютъ сказаніе о вступленіи св. Алек-

---

([31]) Соф. врем. 250. Лавр. л. 204.

([32]) Соф. врем. 238.

([33]) Татищ. (1, 464) и Ст. кн. относятъ это начало къ 1235 году; но противъ этого ясныя свидѣтельства лѣтописныхъ сказаній. См. пред. прим., а также Арц. 1, прим. 2222; И. Г. Р. т. III, прим. 349.

сандра на княжескій престолъ Новгородскій съ горестнымъ извѣстіемъ о новомъ движеніи Татаръ, уже извѣстныхъ Руси по несчастной битвѣ на Калкѣ (1224 г.) ([54]). Для всей Руси то была тяжкая година искушенія. Необыкновенныя знаменія небесныя предвѣщали ей горе ([55]); непрестанные слухи о побѣдоносномъ приближеніи Татаръ давали ясно разумѣть, откуда ждать этого горя. Только и слышно было, что тотъ городъ взятъ, другой сожженъ, тотъ князь убитъ, другой въ плѣнъ взятъ. Новгородъ до нѣкотораго времени оставался въ покоѣ; хотя и до него долетали вѣсти о раззореніи множества городовъ, начиная съ столицы великокняжеской (Владиміра), о погибели Князей, даже самаго великаго Князя, приснопамятнаго и достоблаженнаго Георгія Всеволодовича, дяди св. Александра.— Наконецъ, гроза обратилась и къ сторонѣ самаго Новгорода. Многочисленныя полчища Батыя, привыкшія уже къ крови, устремились къ Новугороду, и новый 1238 годъ въ самомъ началѣ ознаменованъ былъ раззореніемъ Волоколамска, Твери и Торжка. Беззащитный Торжокъ дерзнулъ противостать нагрянувшей на него силѣ въ надеждѣ на помощь отъ Новгорода. Но тотъ самъ въ это время испытывалъ муки ожиданія конечной гибели ([56]), ища и для себя одной только помощи—свыше.... Господь отвратилъ отъ него бѣду: не дойдя до него ста верстъ, Батый обратился назадъ

([54]) Соф. врем. 238.

([55]) Тамже.

([56]) «А изъ Новгорода не бысть имъ помочи; но уже койже (каждый) бѣ въ недоумѣніи и страсѣ». Соф. врем. 246.

и перенесъ раззореніе въ Козельскъ, гдѣ всѣ граждане мужественно легли на развалинахъ своихъ жилищъ. И Новгородцы цѣнили эту милость Божію, приписывая нежданное избавленіе только ходатайству Святыхъ (въ особенности св. Кирилла Александрійскаго) и молитвамъ «правовѣрныхъ архіепископовъ, благовѣрныхъ князей и правовѣрныхъ черноризецъ и іерейскаго собора» ([57]).

Что касается до св. Александра, то и эти годы трепетнаго ожиданія грозящей бѣды не прошли у него, по крайней мѣрѣ, безъ заботъ о благѣ своего народа. Тогда какъ устрашенный народъ думалъ только о Татарахъ, Князь не выпускалъ изъ памяти, что есть у него вблизи и другіе враги—Литва и Нѣмцы, утверждавшіеся въ Ливоніи,—враги, менѣе, по видимому, страшные, но едвали не болѣе опасные. Въ 1237 г. совокупныя силы войска нѣмецкаго, нарочно прибывшаго къ Ригѣ, Рижанъ, Чуди и отборнаго отряда Псковичей (въ 200 чел.), были побѣждены Литвою, такъ что возвратилась домой едва десятая часть ратниковъ ([58]). Князь Александръ, едва только пронеслась мимо Новгорода гроза татарская, уже предпринимаетъ (въ 1239) мѣры противъ этихъ враговъ. Когда читаешь въ лѣтописяхъ сряду два извѣстія: «6747 (1239) оженися князь Александръ Ярославичь, внукъ Всеволожъ, въ Новѣгородѣ, поятъ въ Полотьскѣ у Брячислава дщерь (Александру) ([59]) и вѣнчася въ Торопчѣ. Тогоже лѣта князь Александръ

([57]) Тамже.

([58]) Новгор. 1, 50. Арцыб. 1, 347, примѣч. 2231. Тат. 1, 466.

([59]) Ист. Гос. Рос. т. 4. примѣч. 110. Арцыб. 2, прим. 257.

Ярославичь съ Новгородци сруби городъ въ Шелони»(60), не знаешь на какой мысли болѣе остановиться, на мысли ли о силѣ и важности угрожавшихъ Новгороду враговъ, отъ которыхъ нужно было защищаться, или, скорѣе, на мысли объ удивительной заботливости и неутомимой дѣятельности Князя, котораго даже семейныя дѣла не могли заставить забыть о нуждахъ народа и его скорой защитѣ. Самая мѣра, употребленная св. Александромъ противъ Литвы и Нѣмцевъ, свидѣтельствуетъ о его мудрой обдуманности въ своихъ дѣйствіяхъ. До сего времени князья Новгородскіе противопоставляли нападеніямъ Литвы и Нѣмцевъ воинскую силу, въ которой не имѣли недостатка, располагая и средствами Новгородскими, и своими собственными—отъ своихъ наслѣдственныхъ имѣній (61). Александръ не могъ дѣйствовать такимъ же образомъ, имѣя въ рукахъ своихъ только Новгородъ, между тѣмъ, какъ враги его стали въ это время сильнѣе прежняго, частію пріобрѣтши новыя пособія во взаимныхъ союзахъ, частію уже искусившись въ бранях (62).. И вотъ онъ придумалъ новое средство защиты своего края—построилъ нѣсколько крѣпостей по Шелони (63)

Эти ли мѣры защиты своего края, какъ можно предполагать по совпаденію обстоятельствъ, или слухи о до-

---

(60) Соф. врем. 247.

(61) Такъ Ярославъ Всеволодовичъ, когда нужно было защищать Новгородъ, приводилъ съ собою низовые полки. Временн. Имп. Моск. Общ. ист. и др.; 1849, кн. IV, стр. 5.

(62) Тамже стр. 6.

(63) Новгор. 1, 52.

блестяхъ новаго Князя Новгородскаго, какъ передаютъ лѣтописныя сказанія ([64]), были причиною посѣщенія св. Александра однимъ изъ воинственныхъ его сосѣдей, — только въ 1240 году ([65]) магистръ Ливонскихъ рыцарей, соединившихся предъ этимъ съ сильнымъ нѣмецкимъ орденомъ св. Маріи, Андрей Вельвенъ, пріѣзжалъ въ Новгородъ для свиданія съ св. Александромъ. О чемъ вели они переговоры, не извѣстно, хотя и можно предполагать, что дѣло шло о прекращеніи взаимныхъ неудовольствій между Ливонскими рыцарями и Новгородцами ([66]): честь Князю, который умѣлъ заставить воинственныхъ своихъ сосѣдей искать мира! Лѣтописцы, для которыхъ, безъ сомнѣнія, оставались тайною переговоры Князя, знали только о томъ впечатлѣніи, какое св. Александръ произвелъ на своего гостя, и съ понятнымъ сочувствіемъ единогласно передаютъ намъ отзывъ, сдѣланный о мудрости и красотѣ св. Александра Вельвеномъ, по возвращеніи его изъ Новгорода: «прошедъ страны и языки, не видѣхъ таковаго ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя» ([67]).

([64]) Рукоп. жит. св. Александра въ библ. С.п.б. Д. Академ Составитель этого житія говоритъ: «услышати же пріятно будетъ и се... яко преудивленнаго ради благоразумія и превысокаго разума, святый сей велехваленъ бысть во всѣхъ рода сего земныхъ странахъ и Царѣхъ». Спис. Алекс. Лавры, л. 16 на об.

([65]) Новгор. 4, стр. 33.

([66]) И. Г. Р. т. IV, 17.

([67]) Лавр. 205. Новгор. 4. 33. «Прошедъ много странъ и видѣхъ цари и князи, и нигдѣже таковаго красотою и мужествомъ, и мудростію не обрѣтохъ ни во царѣхъ царя, ни въ князѣхъ князя, якоже великій князь Александръ Ярославичь Новградскій. Рук. жит. въ биб. С.п.б. Дух. Акад. № 273.

Лѣтописи наши, разсказавъ объ этомъ замѣчаютъ, что магистръ Ливонскій донесъ славу Князя Новгородскаго до «Короля части римскія» ([68])—до Шведскаго Короля, и тѣмъ возбудилъ его къ войнѣ съ Александромъ, хотя самъ въ ней не участвовалъ ([69]). По преданіямъ Шведовъ, дѣло было нѣсколько иначе. Первый полководецъ, а впослѣдствіи и ближайшій родственникъ зять) Шведскаго Короля Эрика косноязычнаго, Биргеръ-Ярлъ, расчитывая, по бездѣтности Эрика, на престолъ Шведскій, заранѣе старался проложить себѣ путь къ трону. Для достиженія этой цѣли онъ считалъ необходимыми себѣ двѣ вещи: дружбу папы и общую любовь и довѣренность народа. Первую легко было пріобрѣсти ему исполненіемъ воли папы (касательно быта духовенства) въ Швеціи. Для пріобрѣтенія же любви и довѣренности народа надобно ему было пріобрѣсти воинскую славу. Швеція въ то время была въ мирѣ съ сосѣдями, и близкой войны не предвидѣлось. Биргеръ съ радостію воспользовался поводомъ къ войнѣ, открывшимся въ сосѣдственной съ Россіею Финляндіи. Жестокими мѣрами римско-католическаго епископа Абоскаго къ распространенію Христіанства между Тавастландцами вызвано было не менѣе жестокое противодѣйствіе со стороны Тавастландцевъ. Когда до папы дошло извѣстіе объ этомъ упорномъ и жестокомъ противодѣйствіи, онъ повелѣлъ епископу Упсальскому сдѣ-

---

([68]) Лавр. 203. Пролог. 23 Нояб.; рук. жит. св. Алекс. № 273. Сп. спис. Алекс. Лавры, л. 17.

([69]) Ист. Г. Р. IV прим. 24; сн. Новгор. 4, 35.

лать воззваніе о крестовомъ походѣ противъ Тавастландцевъ и союзниковъ ихъ—*Русскихъ*. Биргеръ счелъ нужнымъ сначала одолѣть Русскихъ,—и вотъ устроился походъ его къ берегамъ Невы ([70]). Какъ бы то ни было, только война началась, и — Шведы на дѣлѣ узнали силу св. Александра и помогли славѣ его распространиться далеко и утвердиться навсегда. Въ томъ же году, когда былъ въ Новѣгородѣ магистръ Ливонскаго ордена и когда Новгородцы, можетъ быть, менѣе всего ожидали нападеній со стороны сосѣдей, вдругъ пришло къ св. Александру извѣстіе, что Шведы идутъ къ Ладогѣ ([71]). Въ слѣдъ за тѣмъ самъ Биргеръ прислалъ пословъ своихъ въ Новгородъ съ дерзкимъ, по своему тону, извѣстіемъ: «аще можеши противитися мнѣ, то есмь здѣ уже плѣню землю твою» ([72]). Нечаянность нападенія давала врагу смѣлость сказать это Новгородцамъ, не приготовленнымъ къ брани. Услышавъ о приближеніи враговъ, св. Александръ, какъ пишетъ жизнеописатель его, «разгорѣся сердцемъ и возскорбѣ во умѣ своемъ, яко человѣкъ: понеже по случаю нѣкоего Божія промысла воинство Александрово въ Новѣгородѣ въ то время мало обрѣтеся: яко, всѣмъ воямъ Новгородскимъ по многимъ градамъ и селомъ живущимъ, незапно (было) нападеніе» ([73]). Но тотчасъ же возложилъ

([70]) Финскій вѣст. 1845 года том. 1, статья: Биргеръ-Ярлъ.

([71]) «Прежде ихъ пришествія, пріиде вѣсть, яко Свеи идутъ къ Ладогѣ». Рук. ж. св. Александра, № 273. Сп. Ал. Лавры. л. 18 на об. Сн. Новгор. 1, 35.

([72]) Лавр, 205.

([73]) Рукоп. жит. св. Алекс. № 273. Далѣе жизнеописатель продолжаетъ: «хотящу Богу явити всѣмъ, яко не умышленіемъ человѣче-

онъ упованіе свое на Бога, и не дождавшись, пока соберутся всѣ воины, какихъ можно было собрать приготовился къ бою «съ малою дружиною, уповая на св. Троицу» ([74]). Прежде всего поспѣшилъ онъ въ храмъ Божій, гдѣ уже Святитель (Спиридонъ), окруженный плачущимъ народомъ, умолялъ всесильнаго Бога даровать помощь благовѣрному Князю и христолюбивому воинству его. Къ молитвѣ народа Князь присоединилъ и свою слезную молитву, въ которой выразилъ все свое упованіе на небесную, на одну только небесную, помощь: «Боже хвальный и праведный, Боже великій и крѣпкій, Боже превѣчный, создавый небо и землю, и поставивый предѣлы языковъ, и жити повелѣвый, не преступая въ чужія части! Суди обидящимъ мя и возбрани борющимся со мною пріими оружіе и щитъ, и стани въ помощь мнѣ» ([75]): сильная, исполненная живой вѣры молитва! Оградивъ себя потомъ благословеніемъ Святителя, молитвамъ котораго ввѣрялъ себя и свое воинство, св. Александръ исходитъ къ своему скудному воинству со слезами, но и съ упованіемъ, ободряетъ его сильнымъ словомъ вѣры, вполнѣ достойнымъ великой и святой души его: «не въ силахъ Богъ, а въ правдѣ; вспомнимъ слова

скимъ, ни силою воинственною, ни у ристаніемъ конскимъ, но поспѣшеніемъ Божіимъ и помощію Его, толикое преокаянныхъ Латинъ многое множество и храбрость побѣдитися имать и предатися въ руцѣ Александровы, и сего ради въ то время въ великомъ Новѣ-градѣ полка воинства Александрова мало обрѣтеся».

([74]) Лавр. 205.

([75]) Тамже; сн. рукопис. жит. въ библ. С.п.б. Дух. Академ. № 273.

псалмопѣвца: *сіи во оружіи, и сіи на коньхъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ; тіи спяти быша и падоша, мы же востахомъ и исправихомся»* (76),— и выступаетъ мужественно на брань противъ врага, увѣреннаго въ себѣ. Эта рѣшимость — рѣшимость вѣры; это мужество—плодъ благочестія. Князь спѣшитъ вступить въ брань: потому что ему хочется самый день брани избрать по указанію вѣры; а вѣра ободрительно указываетъ ему приближающійся день памяти Просвѣтителя Россіи св. благовѣрнаго великаго князя Владиміра... Онъ призываетъ въ молитвѣ святаго Князя и святыхъ чадъ его, страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, и, въ надеждѣ на помощь свыше, выходитъ на Шведовъ (77). Съ этого времени тяжкое испытаніе для св. Александра облегчается: вѣра его начинаетъ торжествовать.

Въ ночь съ 15 Іюля (день памяти св. Владиміра) на 16-е (78), нѣкто Ижорянинъ Пелгусій, въ крещеніи нареченный Филиппомъ, мужъ благочестивый, удостоился видѣнія, которымъ ободрилъ св. Александра. Когда св. Александръ приблизился къ мѣсту брани, этотъ Пелгусій, высмотрѣвшій напередъ расположеніе войскъ Биргера, сообщилъ ему нужныя свѣдѣнія о вражескомъ станѣ: св. Александръ поручилъ ему и далѣе наблюдать за движеніями враговъ. На этой-то

---

(76) Лавр. тамже.

(77) Тамже Соф. врем. 232.

(78) Такъ разсказывается ходъ брани въ рук. житіи св. Александра, въ библ. С.п.б. Д. Ак. № 273 и въ спискѣ Ал. Лавры, л. 32 на об. И это, кажется, правдоподобнѣе сказанія Новг. 1, стр. 53.

стражѣ удостоился онъ видѣнія: простоявъ спокойно на стражѣ всю ночь, къ утру, при восхожденіи солнца, вдругъ слышитъ онъ шумъ отъ плывущаго по водѣ судна. Мысль, что это, можетъ быть, плывутъ враги, заставляетъ его пристальнѣе всматриваться въ плывущій «насадъ».... И вотъ видитъ онъ: гребцы какъ будто покрыты мглою; ясно видны только два витязя, стоящіе на «насадѣ»; свѣтлыя небесныя лица этихъ витязей кажутся извѣстными ему; черты ихъ, вообще весь ихъ внѣшній видъ, даже одежда, напоминаютъ ему святые лики страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. На первый разъ, быть можетъ, онъ не вѣрилъ и глазамъ своимъ; но вотъ онъ слышитъ, какъ говоритъ одинъ витязь другому: «брате, Глѣбе, повели грести, да поможемъ сроднику своему Александру»... Никакимъ сомнѣніямъ нѣтъ уже мѣста: съ благоговѣйнымъ трепетомъ проводилъ Пелгусій взоромъ своимъ скрывающійся насадъ, и едва только св. Александръ прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ на стражѣ, онъ съ радостію повѣдалъ ему утѣшительное видѣніе. Св. Александръ запретилъ ему разсказывать о видѣніи другимъ; но для самаго Князя оно послужило, безъ сомнѣнія, источникомъ совершеннаго ободренія (79). Въ тотъ же день утромъ (въ 6-й часъ дня) онъ напалъ на Шведовъ. Брань была упорная, до самаго вечера продолжаясь съ одинаковою силою. Самъ Князь участвовалъ въ ней, и «своимъ острымъ мечемъ возложилъ печать на лицѣ Биргера» (80). Шведы въ слѣдующую же ночь, не

---

(79) Лавр. 203—206. Соф. врем. 252—253; рук. житіе.

(80) Лавр. 206, Новг. 4, 35; рукоп. житіе.

дождавшись свѣта, и частію погребши трупы своихъ собратій въ наскоро вырытыхъ ямахъ, частію нагрузивъ ими нѣсколько судовъ, бѣжали пораженные, съ крайнимъ стыдомъ ([81]). Пало ихъ такъ много, что соратники св. Александра пришли къ убѣжденію въ невидимой чудесной помощи отъ силъ небесныхъ, особенно, когда увидѣли множество труповъ Шведскихъ на другомъ берегу Ижоры, куда они, Новгородцы, не проникали ([82]). Въ Новгородскомъ же войскѣ убито было только 20 человѣкъ ([83]).

Современники не напрасно высоко цѣнили эту первую побѣду св. Александра, усвоивъ ему съ самаго времени побѣды имя *Невскаго* ([84]). Своимъ глазами видѣли они его мужество и вѣру, хотя, можетъ быть, и не понимали вполнѣ, какъ важны были послѣдствія его чудной побѣды надъ врагомъ, приходившимъ въ ихъ край подъ знаменемъ Латинскимъ, которое всюду, гдѣ водворялось, вносило насиліе и разстройство ([85]). Но самъ св. Александръ довершилъ свои высокіе подвиги не менѣе высокимъ смиреніемъ. Не приводимъ въ доказательство этого сказаній о благодарности, какую, по возвращеніи, послѣ побѣды, въ Новгородъ, онъ отъ всей души воздалъ Господу Богу, въ которомъ одномъ видѣлъ своего Помощника и Защитника ([86]).

([81]) Новгород. 1, 53; 4, 36.

([82]) Лавр. 206; Соф. врем. 254.

([83]) Новг. 1, 53; рукоп. жит.

([84]) Рукоп. житіе св. Александра, № 273.

([85]) Тѣмъ страннѣе читать рѣзкія сужденія отдаленныхъ потомковъ о подвигахъ знаменитыхъ предковъ, предъ которыми благоговѣетъ память народная И. Р. Н. *Пол.* IV, 123.

([86]) Лавр. 206; Соф. врем. 254: рук. жит.

Не останавливаемся особенно и на истинно-прекрасной чертѣ высокой души, по которой св. Князь, какъ бы забывая свои собственные подвиги и заслуги, не только не забылъ трудовъ и доблестей своихъ сподвижниковъ, но самъ разсказывалъ о нихъ по возвращеніи домой ([87]).— Послѣдующія событія свидѣтельствуютъ объ этомъ гораздо лучше.

Въ тотъ же самый годъ, когда мужество и вѣра св. Александра спасли Новгородъ отъ страшной бѣды, Новгородцы, всегда безпокойные и способные къ неблагодарности и дерзости, «распрѣніе нѣкое показаша, возропташа ([88]) на св. в. князя Александра Невскаго, крамоляще, молву составляюще не малу въ людехъ» ([89]): поступокъ самый недостойный! Но какъ ни много св. Князь имѣлъ правъ сказать неблагодарнымъ: «такъ ли вы цѣните мои подвиги и воздаете мнѣ за благодѣянія»?—какъ ни справедливо было бы съ его стороны, испросивъ помощь у отца, наказать крамольниковъ,—человѣкъ Божій, къ славѣ своей, не позволилъ себѣ ничего подобнаго. Столько же кроткій, сколько и мужественный, когда это было нужно, истинно-добрый Христіанинъ, онъ—благодѣтель Новгорода, оскорбленный тѣми, кому только-что оказалъ величайшее благодѣяніе, прекращаетъ мятежъ уступкою ([90]), выѣхавъ изъ Новгорода съ матерію, супругою и дворомъ своимъ ([91]). Но этого мало; вскорѣ

([87]) Лавр. также.

([88]) Сп. И. Г. Р. т. 4, пр. 29. ([89]) Рукоп, жит. № 273.

([90]) Также. Спис. Алекс. Лавры л. 30—31,

([91]) Соф. врем. 255.

послѣ того онъ имѣлъ случай сдѣлать больше,—и сдѣлалъ, воздавъ неблагодарнымъ Новгородцамъ за зло новымъ благодѣяніемъ. Въ тотъ же годъ, когда Александръ спасъ Новгородъ отъ Шведовъ, въ то время, какъ неблагодарные Новгородцы подымали крамолы противъ своего Князя-благодѣтеля, надъ ними собиралась новая туча. Нѣмцы, жители Оденпе, Дерпта и Феллина, подъ предводительствомъ Русскаго бѣглеца, князя Ярослава Владиміровича (92), взяли Изборскъ. Псковичи пошли-было на помощь; но были разбиты. Нѣмцы подошли къ самому Пскову, выжгли предмѣстія его; посадили въ немъ воеводою, на мѣсто убитаго въ сраженіи Гаврилы Борисовича, измѣнника Твердилу Иванковича, который началъ властвовать во Псковѣ за одно съ Нѣмцами и нападать на Новгородскія села (93). По сношеніямъ, можетъ быть, съ этимъ измѣнникомъ, узнавъ о выбытіи св. Александра изъ Новгорода, Нѣмцы, къ концу тогоже 1240 года, подошли къ предѣламъ Новгородскимъ, обложили данью Вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ (94), взяли Тесово (95) и въ 30 верстахъ

---

(92) Это сынъ Владиміра Псковскаго, жившій тогда въ Эстоніи И. Г. Р. т. IV, прим. 27.

(93) Новгор. 1, 53; 4, 36; рукоп. жит. св. Александра.

(94) Въ нынѣшнемъ ораніенбаумскомъ уѣздѣ, С.п б. губ.

(95) По всей вѣроятности, здѣсь разумѣется не городокъ Тесовъ на границахъ Эстоніи Россійской (И. Г. Р. т. IV, 19), но Тесовская ямская слобода, или нынѣшнее село Тесово новгородскаго уѣзда (Арц. 1, 342, прим. 2170), потому что лѣтописныя сказанія говорятъ о взятіе этого Тесова, какъ объ особенномъ злѣ: «и не то бысть зло, но и Тесовъ взяша,» и въ слѣдъ за этимъ прибавляютъ: «и за 30 верстъ до Новгорода гонишася» Нов. 1, 53; Соф. вр. 253, рук. житіе св. Александра № 273, гдѣ говорится: «но и Тесово нарицаемое взяша».

отъ Новгорода начали производить грабежи и убійства, разсыпавшись, съ другой стороны, по Лугѣ до Сабельскаго погоста ([96]). Новгородцы поняли, наконецъ, угрожавшую имъ опасность; вспомнили и о св. Александрѣ, на котораго, по прежнему опыту, могли уже положиться. Совѣсть претила имъ прямо просить къ себѣ оскорбленнаго Александра: они послали къ Ярославу—просить, вообще, помощи, въ надеждѣ, не пришлетъ ли имъ самъ Ярославъ желаннаго Александра. Ярославъ прислалъ къ нимъ другаго своего сына Андрея ([97]). Но не Андрей нуженъ былъ Новгородцамъ, тѣмъ болѣе, что въ ту пору Нѣмцы, вспомоществуемые Литвою и Чудью, не знали мѣры въ грабежахъ и совсѣмъ почти раззорили Новгородскую область, пограбивъ скотъ и коней, такъ что на весну нѣгдѣ и нечѣмъ было пахать земли ([98]). Въ крайностяхъ бѣдствія Новгородцы рѣшились уже прямо просить Александра. Владыка Новгородскій съ боярами отправился къ Ярославу,—и Александръ въ началѣ 1241 года явился въ Новгородъ ([99]): честь и слава великой душѣ, забывающей оскорбленія, когда несчастіе требуетъ помощи! Господь благословилъ и новый подвигъ Александра. Съ пріѣздомъ его все перемѣнилось. Тотчасъ же собралась дружина изъ Новгородцевъ, Ладожанъ, Корелъ и Ижорянъ. Александръ двинулся къ Копорью, раззорилъ построенную тамъ Нѣмцами крѣпость; Нѣмцевъ частію побилъ, частію плѣнилъ, — отпустивъ,

---

([96]) Врем. Имп. Общ. Ист. и др. 1849, IV, 10.

([97]) Соф. врем. 233: новгор. 1, 53,

([98]) Новгор. 1 также.

([99]) Также и Новгор. 4, 37.

впрочемъ, потомъ нѣкоторыхъ плѣнниковъ (*бѣ бо милостивъ паче мѣры*, замѣчаетъ лѣтописецъ), строго только наказавъ измѣнниковъ ([100]). Оказавъ это новое благодѣяніе Новгороду, св. Александръ тотчасъ «отъѣхалъ въ Русь» ([101]): тамъ ожидалъ его новый, и страшный, и славный подвигъ.

Къ этому времени жизни св. Александра Невскаго надобно отнести первое путешествіе его въ Орду ([102]). Слухи о побѣдѣ Невской, безъ сомнѣнія, доходившіе и до Орды татарской ([103]), естественно, очень озабочивали Батыя, тѣмъ болѣе, что въ 1238 году онъ не достигъ до Новгорода, и этотъ край, одинъ въ Россіи, остался неприкосновеннымъ для Татаръ.

([100]) Новгор. 1, 53; 4. 37.

([101]) Соф. врем. 236; Соф. 1 лѣт. въ П. С. Р. т. V. стр. 180; слѣд. соображенія И. Г. Р. т. 4. (примѣч. 30) не вѣрны.

([102]) По большой части первымъ путешествіемъ свят. Александра въ Орду считали путешествіе 1246 г. по смерти Ярослава (И. Г. Р. т. 4, прим. 34). Но противъ этого—а) выраженія лѣтописей и рукоп. житій св. Александра о времени освобожденія Пскова: «яко побѣди короля въ третіе лѣто» (Соф. врем. 1, П. С. Р. Л. V, 180; Псков. 2, также: 4): «двѣма лѣтома прешедшима, отнелѣже святый побѣди краля» (рукоп. жит. въ биб. С.п б. Д. Ак. №№ 273 и 277)—указывающія на значительный промежутокъ времени, въ который лице Александра какъ бы теряется изъ виду; б) прямыя свидѣтельства лѣтописей, что именно въ 1242 году св. князь Александръ «иде къ Батыю царю» (Новгор. 4, 37; Псков. 1, 179) и что путешествіе Александра по смерти отца было *другое* (Новгор. 4, 37).

([103]) Не напрасно же наши лѣтописи разсказываютъ, что именемъ его «моавитскія жены полошаху дѣтей своихъ, говоря: Александръ ѣдетъ,» (Соф. врем. 266; Псков. лѣт. 2, П. С. Р. Л. V, 5). Должны же были быть хотя нѣкоторыя обстоятельства въ жизни Александра, которыя заставляли лѣтописцевъ разсказывать это, хотя и относя къ разнымъ годамъ жизни святаго князя.

И вотъ Батый требуетъ къ себѣ св. Александра: тяжкая необходимость для благочестиваго Князя! Но,—мы впослѣдствіи будемъ имѣть случай оцѣнить, какъ должно, ту покорность Провидѣнію, ту искреннюю любовь къ отечеству, съ какими св. Александръ покарялся этой необходимости, — въ этотъ разъ онъ положилъ начало своимъ подвигамъ во благо отечества, гнетомаго Татарами, исполнивъ тотчасъ волю Хана. Приглашеніе было грозно: «Александре! вѣси ли, яко Богъ покори ми многія языки: ты ли единъ не хощеши покоритимися? Но аще хощеши соблюсти землю твою, то пріѣди скоро ко мнѣ и видиши честь царства моего» ([104]). Невѣдомый путь былъ страшенъ. Страшнѣе же всего для благочестиваго Князя была опасность оскорбить чѣмъ нибудь свою святую Вѣру, къ чему такъ много могло быть поводовъ въ станѣ невѣрныхъ. И однакожъ, покорный Провидѣнію, напутствованный св. Дарами, Князь поѣхалъ съ твердою рѣшимостію лучше принять мученическую смерть, нежели допустить какое либо оскорбленіе Вѣрѣ: рѣшимость святой души, не бѣгущей отъ опасностей внѣшнихъ, но непреклонной въ отношеніи къ свящ. убѣжденіямъ сердца!... Испытаніе, дѣйствительно, было; но—Вѣра одержала побѣду и увѣнчала подвижника славою тамъ, гдѣ ожидалось только униженіе. Когда Князь пріѣхалъ въ Орду, Батый тотчасъ же велѣлъ привести его къ себѣ. Татарамъ хотѣлось выполнить при этомъ нѣкоторые изъ ихъ обрядовъ при пріемѣ иностранцевъ, оскорбительные для чувства души, живо вѣрующей ([105]). Св.

([104]) Псковск. Лѣтоп. 2, П. С. Р. Л. том. V, стр. 5. Сн. Соф. врем. м. ук.

([105]) И. Р. Н. *Полев.* IV, 134. прим. 138.

Александръ видѣлъ въ требованіи пройти между двухъ огней и поклониться солнцу явное оскорбленіе Вѣры христіанской, и, что бы ни было потомъ, отрекся отъ исполненія этого требованія: «азъ христіанинъ есмь, говорилъ онъ,—не подобаетъ ми кланятися твари, но покланяюся Отцу и Сыну и Святому Духу-Богу единому, въ Троицѣ Святой славимому, создавшему небо и землю, и вся, яже въ нихъ суть». Твердость его изумила и привела въ гнѣвъ слугъ Хана (волхвовъ, какъ говорится въ повѣствованіи о жизни св. Александра), которые тотчасъ же пошли къ Батыю съ доносомъ. Но — Господь хранилъ своего вѣрнаго раба! Много наслышавшійся и, можетъ быть, съ нетерпѣніемъ уже ожидавшій Князя, Батый повелѣлъ не нудить его, а привести къ себѣ тотчасъ же съ подобающею честію. Александръ вошелъ, и, поклонившись, началъ рѣчь свою словами, въ которыхъ выразилась вся душа его, смиренно-покорная судьбамъ Провидѣнія и непоколебимо преданная Вѣрѣ: «царю, тебѣ поклонюся, Богъ бо почти тебе царствомъ; твари же не поклонюся, яко вся создана суть человѣка ради: Богу же единому, емуже служу и егоже чту, Тому поклонюся» ([106]). Батый замѣтилъ окружавшимъ его: «воистинну повѣдаша ми, яко нѣсть подобна сему Князю»,

---

([106]) Все это сказаніе заимствуемъ мы изъ Чет.-мин. (см. Августъ) и относимъ къ этому времени на томъ основаніи, что здѣсьже замѣчено: «видѣвъ блаженнаго красоту лица о величество тѣла и храбрость. (царь) похвалилъ его предъ всѣми и честь велію воздаде ему», — изъ чего можно заключать, что это было въ первый разъ, когда видѣлъ св. Александра Батый.

и почтилъ св. Александра многими дарами, и отпустилъ его съ честію ([107]).

Возвращеніе св. Александра въ отечество было вмѣстѣ возвращеніемъ къ непрерывнымъ, можно сказать, подвигамъ во благо сѣвернаго края Россіи, гдѣ Господь судилъ ему стяжать безсмертную въ потомствѣ славу побѣдоноснаго воителя и, потомъ, почить своими нетлѣнными останками. Въ отсутствіе его безпокойные Нѣмцы зимнимъ временемъ снова напали на Псковъ, завладѣли имъ и посадили въ немъ своихъ Тіуновъ. Возвратившись во Владиміръ, св. Александръ услышалъ объ этомъ и, принявъ непріятную вѣсть съ искреннимъ участіемъ, тотчасъ же выпросилъ у отца своего низовые полки и двинулся съ ними къ Новгороду. Собравъ здѣсь и Новгородскую дружину и оградивъ себя и свое воинство усердною молитвою ([108]), пошелъ онъ ([109]) ко Пскову, занялъ псковскія дороги, овладѣлъ самимъ Псковомъ, захватилъ бывшихъ тамъ Нѣмцевъ и Чудь, намѣстниковъ нѣмецкихъ въ оковахъ отправилъ въ Новгородъ, Псковъ освободилъ, и все это — прежде, чѣмъ Нѣмцы успѣли получить вѣсть о его приближеніи ([110]). Но не славы только побѣды ожидалъ св. Александръ, двинувшись съ многочисленною ратью на защиту отчизны св. Ольги. Онъ хотѣлъ упрочить миръ и благосостояніе сѣвернаго края Рос-

---

([107]) Соф. врем. 266.

([108]) Рукоп. житіе.

([109]) Въ концѣ вѣроятно, 1242 года

([110]) Соф. врем. 256. Новгор. 1, 53; IV, 37: Псков. 1, 179. Псков. 2, 4; ливонская хроника прибавляетъ, что при занятіи Пскова Александромъ пали 70 храбрыхъ рыцарей, защищавшихъ городъ. Arndt. Liefl. Chron. 11, 46; И. Г. Р. т. IV, прим. 31.

сіи, такъ часто тревожимаго безпокойными сосѣдами. Посему тотчасъ же, по освобожденіи Пскова, «пусти полкъ весь въ зажитія» (111), какъ говорятъ лѣтописи, т. е. двинулся въ самую Чудскую землю. Новая побѣда Александра раздражила враговъ его: совокупившись вмѣстѣ (112), они рѣшились: «пойдемъ,—погубимъ (113) великаго Князя Александра и имемъ его руками» (114). Дерзкая рѣшимость ихъ сначала имѣла нѣкоторый успѣхъ: они разбили передовый отрядъ Александровъ, посланный для добычи съѣстныхъ припасовъ. Но напрасно расчитывали они на этотъ первый успѣхъ. Св. Александръ не упалъ духомъ, получивъ отъ возвратившихся къ нему воиновъ разбитаго отряда горестную вѣсть. Разбитый полкъ былъ незначительною частью его дружины, подкрѣпленной новою помощью, какую прислалъ ему Ярославъ съ княземъ Андреемъ,—составленной изъ отборныхъ воиновъ, одушевленныхъ пламенною любовію къ Князю, которому говорили они: «о Княже нашъ честный и драгій! нынѣ приспѣ время положити главы своя за тя» (115). Кромѣ того у Александра была другая сила, на которую, уже по опыту, онъ могъ полагаться,—сила вѣры, сила молитвы. Въ тяжкую минуту возвелъ онъ къ небу молитвенный взоръ и къ Господу воинствъ возслалъ молебный вопль

---

(111) Новгор. 1, 53; «и землю ихъ повоева» Псков. 2, 4; Соф. врем. 236.

(112) Въ рукоп. житіи св. Алекс. (№ 273), замѣчено что нѣмцы и чудь воевали «съ помощію кралевою». Тоже Соф. 1, 180; Соф. врем. 236.

(113) «Побѣдимъ» Псков. 2, 4.

(114) Соф. врем. 266.

(115) Ib. 237; Псков. 2, 4,

сердца: «суди, Боже, и разсуди прю мою отъ языка велерѣчива; помози ми, Господи, якоже древле Моисеови на Амалика и прадѣду моему, вел. кн. Ярославу на окаяннаго Святополка» (116),—осѣнился крестнымъ знаменіемъ (117), и-въ 5 день Апрѣля (118), въ похвальную Субботу (5 нед. вел. поста), на восходѣ солнца вступилъ въ бой. Враги сначала стали тѣснить передовые полки св. Александра. Но это только заставило его избрать для себя выгоднѣйшее мѣсто: онъ избралъ Чудское озеро, въ тотъ годъ долго остававшееся подо льдомъ: тутъ-то началась достопамятная битва, извѣстная въ лѣтописяхъ нашихъ подъ именемъ «Ледоваго боя». Битва началась натискомъ Нѣмцевъ и Чуди, врѣзавшихся въ полки Александра, какъ выражаются лѣтописи, «свиніею», т. е. острою колонною, и прошли ихъ насквозь. Но этотъ способъ битвы не смѣшалъ войскъ Александровыхъ. Самъ Александръ дѣйствовалъ и мечемъ и молитвою, призывая на помощь Заступницу рода человѣческаго, которой въ тотъ день, вдали отъ мѣста брани, воспѣвалось хвалебное пѣніе въ храмахъ православныхъ, и, дѣйствительно, привлекши къ себѣ небесную помощь, которой явное знаменіе усмотрѣлъ нѣкто, «видѣвъ полки Божія на воздусѣ, пришедшія на помощь вел. кн. Александру Ярославичу» (119). Дру-

---

(116) Соф. врем. и Псков. 2 тамже.

(117) Соф. 1, 180; рук. жит. св. Алекс. въ биб. С.п.б. Д. Акад. №№ 273 и 277.

(118) По лѣтописямъ, на память мученика Клавдія (Соф. вр. 237- Соф. л. 1, 180): по рукоп., Ѳеодула и Агаѳопода—согласно съ нашими святцами.

жина его, твердо устоявшая противъ перваго натиска враговъ, продолжала рубить ихъ. «500 нѣмцевъ—ратмановъ ([120]) и пановъ пало подъ ея сѣкирами; 50 взято въ плѣнъ» ([121]); а она стояла, и потомъ еще когда, Чудь предалась бѣгству, въ состояніи была гнаться за нею на протяженіи 7 верстъ, преслѣдуя до послѣдней возможности, до рѣшительной побѣды, доколѣ враги не были истреблены почти до одного ([122]). Торжественно возвратился Александръ во Псковъ послѣ этой новой славной побѣды: при вступленіи въ городъ срѣтило его духовенство Псковское съ св. иконами и множество народа, «поюще, какъ выражаются лѣтописи, славу Господеви и великому Князю Александру Ярославичу: пособивый, Господи, кроткому Давиду побѣдити иноплеменника и вѣрному Князю нашему, оружіемъ крестнымъ свободи градъ Псковъ отъ иноязычникъ рукою Александровою» ([123]). Св. Александръ увѣренъ былъ, что Псковъ долго не забудетъ этого благодѣянія: «аще забудете се, говорилъ онъ Псковичамъ, и до правнучатъ Александровыхъ ([124]), уподобитеся жидомъ, ихже препита Господь въ пустынѣ крастельми печеными (?), и сихъ всѣхъ забыша благъ и Бога своего, изведшаго ихъ изъ работы египетскія

([119]) Рук. житіе № 273 Соф. врем. 237 и проч.

([120]) По Новг. 1, 54,—400.

([121]) Ихъ послѣ вели подлѣ коней за воинствомъ Александра, Соф. врем. 238; И. Г. Р т. 4, стр. 20 и прим. 33.

([122]) Новгор. 4, 37.

([123]) Псков. 2, 4; Соф. врем. 238; Соф. Л. 1, въ указ. м.

([124]) Псков. 2, тамже.

Моисеомъ; се же вамъ глаголю: аще кто пріидетъ и напослѣдокъ рода его великихъ Князей, или въ печали пріѣдетъ къ вамъ жити въ Псковъ, а не пріимите его и не почтите его, наречется вторая жидова» ([125]). Не знаемъ, долго ли, дѣйствительно, помнилъ эту побѣду освобожденный Псковъ, но о Новѣгородѣ извѣстно, что тамъ память о «Ледовомъ боѣ» хранилась долго; даже въ концѣ XVI в. всенародно молились тамъ въ храмахъ объ упокоеніи падшихъ въ «Ледовомъ бою», какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ еще и теперь существующіе синодики Новгородскіе» ([126]).

Помогавшій св. Александру братъ его Андрей возвратился послѣ этой побѣды къ отцу, вѣроятно, съ низовыми войсками ([127]). Но Александръ не зналъ покоя. Въ томъ же (1243) году, когда послы ордена Ливонскаго ([128]) явились въ Новгородъ для заключенія мира и размѣна плѣнныхъ на лестныхъ для Новгорода условіяхъ ([129]), Александра не было уже въ Новгородѣ; послы приходили «безъ Князя» ([130]). Онъ совершилъ въ это время новый блистательный под-

---

([125]) Соф. 1, стр. 181 въ V т. П. С. Р. Л.

([126]) Рук. Синод. въ б. М. П. *Погодина*, см. Врем. Имп. М. Общ. Ист. и др. 1849, IV, 13.

([127]) Лавр. 201.

([128]) Магистръ котораго, устрашенный побѣдами Александра сначала опасался-было и за Ригу и посылалъ къ Датскому Королю просить помощи, И. Г. Р. т. IV стр. 20. прим. 33

([129]) Они не только отказались отъ Луги и Водской области, но и уступили Александру значительную часть Летгаліи. И. Г. Р. также стр. 21. Соф. врем. 258 и проч.

([130]) И. Г. Р., выпустивъ изъ виду первую литовскую битву, бывшую въ это время, предполагаетъ, что св. Александръ былъ тогда

вигъ въ пользу сѣвернаго края Россіи. Усмиривъ Нѣмцевъ, онъ принужденъ былъ, въ слѣдъ же за тѣмъ, усмирить не менѣе безпокойную Литву, сильно безпокоившую въ это время самыя области Новгородскія. Подробностей этой войны, тѣмъ болѣе важной, что она была направлена противъ Литвы—народа, въ то время страшнаго не для однихъ Русскихъ, но и для Нѣмецкаго ордена,—мы не знаемъ. Но лѣтописи не преминули замѣтить, что и въ этотъ разъ герой Невскій явился истиннымъ героемъ,—въ одинъ походъ побѣдилъ одну за другою *семь* ратей Литовскихъ: подвигъ, который заставилъ и Литовцевъ бояться имени Александрова ([131]).

Съ этой поры Новгородъ, управляемый такимъ знаменитымъ Княземъ, какъ св. Александръ, оставался въ покоѣ: враги боялись его, и до 1245 года, когда нужно было идти на защиту отъ Литвы сосѣдственной области, Александръ все время провелъ мирно въ Новѣгородѣ. Не знаемъ о родѣ занятій его въ то время: исторія сохранила до насъ повѣствованіе объ одномъ только событіи, коснувшемся тогда всего рода Александрова. Въ Маѣ (4) 1244 года ([132]), скончалась въ Новгородѣ мать св. Александра, Боголюбивая вел. кн.

или и во Псковѣ (противъ Соф. врем. 237), или у отца (противъ Лавр. 201, гдѣ говорится, что къ отцу возвратился одинъ Андрей) т. IV, прим. 35. Такой же пропускъ есть и въ рук. житіи въ биб. С.п.б. Д. А. № 277.

([131]) Соф. врем. 238—239; Псков. 2, 4; рук. жит. № 273.

([132]) А не въ 1242, какъ въ Ист. рус. Церкви, М. 1852, періодъ II, § 33, прим. 274.

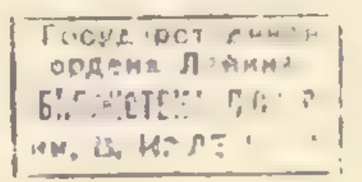
Θеодосія, въ инокиняхъ Евфросинія, и погребена въ обители св. Георгія (въ Юрьевѣ монастырѣ), рядомъ съ сыномъ ея княземъ Θеодоромъ, скончавшимся въ 1233 году ([133]).

Въ 1245 году видимъ св. Александра опять на ратномъ подвигѣ. Великодушный побѣдитель князя Ярослава Владиміровича ([134]), который въ это время начальствовалъ въ Торжкѣ ([135]), Александръ двинулся теперь съ Новгородцами на защиту его. Литва, отдохнувъ отъ пораженія, начала-было грабить окрестности Бѣжецка и Торжка. Князь Ярославъ Владиміровичъ съ Новоторжцами вышелъ противъ враговъ, но—неудачна была попытка его къ защитѣ: Литовцы разбили его и съ добычею пошли уже прочь отъ Торжка. Ихъ нагнали Тверичи и Дмитровцы, приспѣвшіе на помощь къ разстроенной уже дружинѣ Новоторжской и, послѣ битвы подъ Торопцемъ, вогнали ихъ въ этотъ городъ. На другой день явился къ Торопцу и Александръ съ Новогородцами. Дѣла приняли, вмѣстѣ съ прибытіемъ его, самый благопріятный видъ. Въ одинъ день защищаемый Торопецъ былъ взятъ, Литовцы разбиты,—однихъ князьковъ ихъ убито восемь,—весь полонъ и добыча у нихъ отнята. Новгородцы, довольствуясь этимъ успѣхомъ, тотчасъ же рѣшились возвратиться домой. Но Александръ не хотѣлъ останавливаться на половинѣ. Опытный и мудрый военачальникъ, онъ

([133]) Соф. врем. 329; Новгор. 1, 54 (здѣсь 5 Мая); рук. житіе св. Александра № 273.

([134]) См. выше прим. 92 и текстъ, къ которому оно относится.

([135]) Ист. Г. Р. т. IV, стр. 21.



призналъ необходимымъ воспользоваться первымъ успѣхомъ для совершеннаго пораженія врага, который иначе легко могъ опять собраться съ силою,—и тогда, какъ Новгородское войско отправилось домой, св. Князь съ одною своею дружиною, преслѣдовалъ бѣгущихъ Литовцевъ. Настигнувъ ихъ у озера Жизца ([136]), онъ поразилъ ихъ совершенно, не оставивъ, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, ни одного человѣка, ни одного князька ([137]). Эта новая побѣда не была еще послѣднею. Ожидалъ ли Александръ, или нѣтъ, только по выходѣ изъ Витебска, куда заѣзжалъ, чтобы взять оттуда своего сына ([138]), онъ встрѣтилъ новую рать Литовскую на Усвѣтѣ ([139]). Богъ помогъ ему рѣшительно разбить и эту рать. Усмиривъ такимъ образомъ Литву, которая лѣтъ семь послѣ сего уже не безпокоила Новгородскихъ владѣній и покрывъ имя свое новою славою, Александръ возвратился въ Новгородъ. Но—не на долго: въ скоромъ времени его ожидало новое призваніе. Битва Усвѣтская была послѣдняя, которую совершилъ Александръ еще Княземъ собственно Новгородскимъ ([140]).

([136]) По лѣтоп. «Зижьце», Псков. губ. въ Торопецкомъ уѣздѣ Арцыб. т. II, стр. 8, кннг. 3, прим. 38.

([137]) Новгор. 1. 54.

([138]) Гостявшаго вѣроятно у дѣда. Ис. Г. Р. т. IV, прим. 35.

([139]) Мѣстечко Витебской губерніи, Суражскало уѣзда при соименномъ озерѣ, Арц. т. 1, кн. 2, прим. 82.

([140]) Соф. врем. 259—260; Новгор. 1, м. ук.; 4, 37-38.

III.

Св. Александръ Невскій, какъ Князь Кіевскій, 1246—1252 г.

Въ 1246 г., на возвратномъ пути изъ великой Татаріи, в. к. Ярославъ, какъ говорятъ, вслѣдствіе отравы, почувствовалъ себя больнымъ и 30 Сентября, заочно благословивъ дѣтей своихъ ([141]), скончался. Услышавъ о кончинѣ отца, св. Александръ прибылъ во Владиміръ, чтобы вмѣстѣ съ дядею своимъ, Святославомъ Всеволодовичемъ, и братьями ([142]) оплакать скончавшагося.... Вслѣдъ затѣмъ Святославъ Всеволодовичъ сѣлъ во Владимірѣ на столѣ брата своего, а племянниковъ своихъ посадилъ по городамъ, какъ «урядилъ имъ отецъ ихъ Ярославъ» ([143]). Но по соображенію обстоятельствъ, можно предполагать, что такое наслѣдство великокняжескаго престола не обошлось безъ споровъ и волненій, и что только одинъ св. Александръ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вполнѣ достойно святой души своей. Братъ его Андрей, вѣроятно, считавшій, что престолъ великокняжескій долженъ перейти отъ Ярослава къ сыну его, тотчасъ же отправился въ Орду, чтобы склонить на свою сторону Батыя. Между тѣмъ Александръ, хотя былъ старшимъ сыномъ Ярослава, довольствовался тѣмъ, что ему досталось еще при жизни отца,—Новгородомъ и Переяславлемъ Залѣсскимъ ([144]), и, если поѣхалъ также въ

([141]) Руко. жит. св. Ал. № 273.

([142]) Лавр. 201 Соф. врем. 266.

([143]) Лавр. также.

([144]) Новг. лѣт. 4, 37.

слѣдъ за Андреемъ къ Батыю, то уже послѣ, и то по призыву Батыя ([145]). Теперешнее путешествіе св. Александра въ Орду было болѣе продолжительно и трудно, чѣмъ прежнее: вмѣстѣ съ Андреемъ онъ долженъ былъ ѣхать въ великую Татарію къ великому Хану ([146]). Въ это время другой братъ его Михаилъ Ярославичъ, Князь Московскій, также, какъ Андрей, считавшій себя вправѣ искать престола Владимірскаго, отнялъ его у Святослава, но въ туже зиму на войнѣ съ Литвою положилъ свою голову ([147]). Въ 1249 г. Александръ и Андрей возвратились—Александръ Княземъ Кіева и всего приднѣпровья, а Андрей, добивавшійся Владиміра, Княземъ Владимірскимъ, хотя былъ и моложе Александра ([148]).

Новое имя *Князя Кіевскаго* не измѣнило отношеній св. Александра къ Новгороду. По возвращеніи изъ Татаріи, пробывъ около двухъ лѣтъ во Владимірѣ, и похоронивъ двоюроднаго брата своего Князя Владиміра Константиновича въ Угличѣ, также племянника своего Кн. Василія Всеволодовича въ Ярославѣ, св. Александръ возвратился въ Новгородъ въ началѣ 1250 г. ([149]). Новгородцы приняли его съ радостію; только, опять, на короткое время.

([145]) Это было уже *другое* путешествіе въ Орду (Новг. 4. 37); въ первый разъ онъ являлся только къ Батыю и съ честію возвратился отъ него.

([146]) Лавр. 201.

([147]) Лавр. также.

([148]) Лавр. 202.

([149]) Новгор. 1. 54; Соф. врем. 266. Былъ ли въ это время св. Александръ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ (какъ гов. Времен. Имп. М. Общ. Ист. и др. Росс 1848 г., IV стр. 16), съ полною увѣренностію сказать нельзя. Въ лѣт. нѣтъ прямаго указанія на это. *Татищ.* (кн. IV, стр.

Замѣчательнѣйшимъ изъ событій этого времени ([180]) въ жизни св. Александра было посольство отъ папы. Послѣ неудачнаго похода Шведовъ, предпринятаго въ слѣдствіе буллы папы Григорія IX и кончившагося совершеннымъ пораженіемъ ихъ на берегахъ Невы, папскій престолъ перемѣнилъ тонъ сношеній своихъ съ Россіею, но не отказался отъ самыхъ сношеній въ надеждѣ, что тѣсныя обстоятельства заставятъ Русскихъ Князей искать его помощи. Быть можетъ, начавшіяся въ то время сношенія Даніила Галицкаго съ папою о принятіи Римско-католическаго вѣроисповѣданія и королевской короны изъ рукъ папы ([181]), подали Иннокентію IV мысль предложить свою помощь и сѣвернымъ Князьямъ Русскимъ. Какъ бы то ни было, только въ 1248 году папа, услышавъ о смерти Ярослава, и, вѣроятно, предполагая, что престолъ великокняжескій наслѣдовалъ старшій сынъ Ярослава, отправилъ къ «знаменитому мужу Александру, Князю Суздальскому» (отъ 8 Февр.) двухъ, избранныхъ изъ 12 кардиналовъ, пословъ и письмо. Письмо было составлено со всѣмъ искуствомъ и усиліями людей, желающихъ, во что бы ни стало, достигнуть своей цѣли. Все въ немъ было—и лесть, и неправда, и обѣщанія.

---

22) говоритъ: что «1249 г. Александръ иде въ Новъ градъ и оттуду хотяше идти на Кіевъ; но отрекоша ему Новгородцы Татаръ ради»: прямое свидѣтельство, что въ Кіевѣ Александръ не былъ, хотя свидѣтельство въ частностяхъ недостовѣрное, потому что Александръ прибылъ въ Новгородъ въ 1250 г.

([180]) Во всѣхъ рукоп. житіяхъ, бывшихъ у насъ подъ руками, событіе это отнесено къ (҂ѕѱѯ) 1252 году. Спис. Ал.-Нев. Лавр., л. 47.

([181]) Сношенія, впрочемъ, очень не искреннія съ обѣихъ сторонъ. И. Г. Р. т. IV стр. 33; И. Р. Н. *Полев.* кн. IV, стр. 145.

Папа писалъ къ св. Александру (представляемъ въ сокращенномъ видѣ это посланіе): ....«отъ возлюбленнаго сына, брата Іоанна де-Плано-Карпини, возвратившагося (изъ Татаріи), мы узнали, что отецъ твой смиренно обѣщалъ повиновеніе римской церкви» (это выдумка, ни на чемъ не основанная!)... «Онъ и открыто объявилъ бы это всѣмъ, если бы нашествіе смерти не похитило его, столько же нечаянно, сколько и благовременно (для него... [132]). Посему таким образомъ онъ скончалъ теченіе настоящей жизни въ такое благопріятное время, то надобно благочестиво вѣрить и безъ всякаго сомнѣнія принимать, что онъ, присоединившись къ жребію праведныхъ, покоится въ вѣчномъ блаженствѣ.... Итакъ, желая, чтобы вмѣстѣ съ нимъ содѣлался причастникомъ толикаго блаженства и ты, оставшійся законнымъ наслѣдникомъ въ отцовскомъ наслѣдіи, мы, по примѣру оной жены евангельской, возжегшей свѣчу—поискать драхмы потерянной, изыскиваемъ пути, употребляемъ усилія, прилагаемъ стараніе къ тому, чтобы имѣть возможность благоразумно навести тебя (на мысль) пойти по стопамъ отца твоего, которымъ стоитъ слѣдовать всегда, и, какъ онъ отъ чистаго сердца и съ твердымъ намѣреніемъ» (въ этомъ дѣйствительно, нужно, было усилиться увѣрить св. Александра!) «обѣщался принять постановленія и вѣрованія римской церкви, такъ чтобы и ты, оставивъ путь погибели, который ведетъ къ вѣчному осужденію смерти, восприялъ единеніе съ

---

(132) Tanquam feliciter, по другому чтенію—quam infeliciter; но по связи съ послѣдующимъ, надобно, кажется, предпочесть первое чтеніе, какъ оно ни странно.

тою же церковію, чрезъ повиновеніе ей, безъ сомнѣнія, приводящею своихъ почитателей ко спасенію. И отнюдь не должна быть тобою отвергнута наша просьба, которая, служа съ нашей стороны исполненіемъ долга, будетъ способствовать *твоимъ выгодамъ:* потому что, когда мы требуемъ отъ тебя, чтобы ты боялся Бога и, любя Его всею душею, исполнялъ Его заповѣди, явно было бы, что ты не имѣешь духа здраваго разсужденія, если бы отказалъ въ повиновеніи намъ, и даже Богу, котораго намѣстникомъ, хотя и не по заслугамъ, мы являемся на землѣ. Впрочемъ этимъ повиновеніемъ нисколько не уменьшается честь Владѣтеля... Знай, что если ты воспользуешься нашимъ и даже Божіимъ благоволеніемъ, мы будемъ считать тебя знатнѣйшимъ (specialem) между прочими католическими Князьями и всегда съ особеннымъ усиліемъ будемъ стараться объ увеличеніи твоей славы. Дальше, поелику опасностей легко избѣжать, если противъ нихъ вооружишься предусмотрительностію, то мы въ особенный долгъ поставляемъ просить тебя, чтобы, какъ скоро узнаешь, что татарское войско направляетъ шествіе свое на Христіанъ, тотчасъ ты постарался дать знать объ этомъ братьямъ Тевтонскимъ въ Ливоніи, чтобы, когда это дойдетъ чрезъ тѣхъ братьевъ до свѣдѣнія нашего, мы могли бы заранѣе подумать, какъ противостать съ помощію Божіею Татарамъ» ([165]). Но напрасны были всѣ эти хитрости и уловки. Благовѣрный Князь, измлада воспитанный въ наказаніи и ученіи Господнемъ, много уже разъ на опытѣ доз-

---

([165]) Histor. Ross. monimenta, *Turgenev.* Petrop. 1841. t. 1, p. 68 — 69.

навшій силу святой Вѣры, которая учила его дѣйственной молитвѣ и помогала въ самыя тяжкія минуты скорби и нужды, съ перваго раза понялъ всѣ ухищренія враговъ Православія и, въ справедливомъ негодованіи, явился строгимъ обличителемъ тѣхъ, кои считали православныхъ Христіанъ какъ будто язычниками, и сильнымъ защитникомъ правой вѣры. «Слышите, говорилъ онъ, посланницы папежстіи и прелестницы преокаянніи! Отъ Адама и до потопа, и отъ потопа и до раздѣленія языкъ, и отъ раздѣленія языкъ до начала Авраамля, а отъ Авраама до проитія Израилева сквозѣ чермное море, а отъ начала царства Соломона до Августа Царя, а отъ начала Августа до Рождества Христова, и до страсти и до воскресенія Его, а отъ воскресенія Его и на небеса вшествія и до царствія Вел. Константина и до перваго Собора и до седмаго Собора: сія вся свѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не принимаемъ» ([134]). Послѣ такого отвѣта, который ясно показалъ, что Русскіе преданы своей Вѣрѣ по разумному убѣжденію въ ея чистотѣ и истинѣ, и не имѣютъ нужды въ велемудрыхъ учителяхъ Запада, посламъ Папы оставалось только со стыдомъ ([135]) «возвратиться во свояси» ([136]). Новую такимъ образомъ

([134]) Соф. врем. 268; рукоп. житія № 273 и спис. Алекс. Лавры л. 47-52. Рукоп. житія присоединяютъ къ этому *устному* отвѣту изложеніе вѣры, довольно подробное. Это любопытный памятникъ церковной словесности 16 вѣка, направленный, между прочимъ, противъ заблужденій лютеранскихъ. Но отнести его ко времени св. Александра не можемъ, хотя, основываясь на выраженіи Соф. врем.: «думавъ съ мудрецы своими и списавъ къ нему (папѣ)», можемъ предполагать, что къ папѣ было отправлено нѣчто въ видѣ изложенія вѣры.

([135]) Рукоп. житіе. Сп. Ал. Лавры л. 52—53,

([136]) Соф. врем. 268.

доблесть явилъ въ себѣ св. Александръ въ это время: новую заслужилъ благодарность отъ современниковъ и славу въ потомствѣ, новое право пріобрѣлъ на милость Божію, какъ твердый защитникъ и исповѣдникъ Вѣры!

А милость Божія особенно была нужна и ему самому, и Новгороду. Послѣ свѣтлыхъ дней пріема въ Новгородѣ Святителя Кирилла Митрополита и Кирилла же, епископа Ростовскаго, поставившихъ въ архіепископа Новгороду Далмата, еще, кажется, не проводивъ своихъ гостей, св. Александръ подвергся въ 1251 году недугу, такому тяжкому, что начали отчаяваться въ его выздоровленіи. Духовенство и народъ обратились съ теплыми молитвами къ Подателю жизни объ исцѣленіи Князя (157). Господь услышалъ усердную мольбу и возставилъ Князя (158) — въ помощь и утѣшеніе Новгороду, которому предстояло сильное искушеніе. Въ этотъ же годъ лѣтомъ были дожди, такіе сильные, что водою снесенъ былъ мостъ на Волховѣ и потоплены хлѣбъ и сѣно; осенній морозъ довершилъ бѣду и—Новгородъ долженъ былъ испытать голодъ (159). Александръ дорогъ былъ для Новгорода въ эту годину новаго бѣдствія! Но онъ не ограничивался только облегченіемъ этого случайнаго зла, постигшаго Новгородъ. Тогда какъ народъ вздыхалъ о скудости хлѣба, бдительный Князь слѣдилъ за состояніемъ сѣверной области Новгородской, и отра-

---

(157) Новгор. 1, 54, Лавр. 202; Ник. III, 33.

(158) Соф. врем. 268: здѣсь въ слѣдъ за повѣствованіемъ о посольствѣ отъ папы, прибавлено: «умножи Богъ живота велик. Князю»,— прибавленіе, понятное только при соображеніи обстоятельствъ времени.

(159) Новгор. 1, 53.

вилъ посольство къ Норвежскому Королю Гакону въ Дронтгеймъ съ предложеніемъ, чтобы онъ запретилъ Финмаркскимъ своимъ подданнымъ грабить нашу Лопь и Корелію. Король Норвежскій, уваживъ предложеніе св. Александра, послалъ въ Новгородъ своихъ вельможъ, которые заключили миръ и возвратились къ Гакону съ дарами ([160]). Вмѣстѣ съ предложеніемъ Королю, посламъ Новгородскимъ ввѣрено было порученіе узнать лично дочь Гакона Христину, на которой св. Александръ думалъ женить сына своего, кн. Василія. Согласіе Короля на этотъ бракъ было получено. Но угрожавшая отечеству опасность заставила св. Александра отложить договоры до другаго времени и предпринять новое путешествіе въ Орду, откуда онъ возвратился уже *Великимъ Княземъ Владимірскимъ*.

IV.

Княженіе св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго во Владимірѣ, 1852—1263 г.

Вѣсти о неустройствахъ въ княжествѣ Владимірскомъ, дошедши до Новгорода, вызвали св. Александра на путешествіе въ Орду. Братъ его князь Андрей Ярославичъ, усиливавшійся овладѣть занятымъ уже, дядею ихъ Святославомъ, престоломъ великокняжескимъ, не умѣлъ удержаться на немъ, когда занялъ его по своимъ проискамъ, обходя старшаго брата. Лишенный великокняжескаго престола князь Святославъ Всеволодовичъ отправился въ 1250 г. съ сыномъ своимъ къ Татарамъ ([161]). Жалобою ли только своею, или, какъ

([160]) И. Г. Р. т. IV, стр. 44, пр 87.

([161]) Лавр. 202.

можно предполагать ([162]), и доносомъ на Андрея, что это Князь не совсѣмъ покорный Хану, онъ возбудилъ гнѣвъ Хана и заставилъ его послать ко Владиміру войско подъ начальствомъ Неврюя, Котія и Алебуги храбраго ([163]). Андрей, услышавъ о движеніи Татаръ, вмѣсто того, чтобы поспѣшить укротить гнѣвъ Хана благовременнымъ увѣреніемъ въ покорности, легкомысленно рѣшился противустать войску татарскому. Когда это войско, въ концѣ (25) Іюля 1252 г. двинулось отъ Владиміра къ Переяславлю, Андрей встрѣтилъ его съ своими полками; но—несчастна для него была эта битва ([164]). Слѣдствіемъ ея было только то, что самъ Андрей, разбитый, принужденъ былъ бѣжать не только отъ своего княжества, но и съ земли Русской, и искать себѣ пріюта у Нѣмцевъ—въ Колывани (нынѣшнемъ Ревелѣ), и потомъ у Шведовъ; а бѣдная область Владимірская потерпѣла раззореніе ([165]) Къ счастію Руси, устрашенной нашествіемъ Неврюя, въ это время св. Александръ былъ въ Ордѣ, куда отправился, вѣроятно, едва только услышавъ о неудовольствіяхъ Хана и движеніи войска его. Съ мудрою предусмотрительностію разсудивъ, что единственное средство къ защитѣ обезсиленной уже Руси отъ разрушительнаго вліянія Татаръ заключалось въ смиренной покорности Князей, сношеніемъ съ которыми и довольствовались Ханы, онъ, храбрѣйшій изъ Князей, съ христіанскимъ великодушіемъ

([162]) Судя по выраженію Андрея, когда онъ узналъ о движеніи Неврюя: «что се есть? доколѣ намъ межъ собою бранитися и наводити другъ на друга Татаръ?» (Ник. III, 33).

([163]) Соф. врем. 267; И. Г. Р. т. IV, стр. 43, говоритъ, что они шли наказать Андрея за какое-то ослушаніе.

([164]) Соф. врем. также.

([165]) Лавр. 202.

и терпѣніемъ принялъ на себя спасительный для отечества подвигъ—видимой покорности Ханамъ. И сколько истиннаго добра принесло отечеству самопожертвованіе святаго Князя! На первый разъ онъ успѣлъ благоразумными представленіями усмирить гнѣвъ Сартака, занимавшагося тогда, за дряхлостію отца своего Батыя, дѣлами покоренной Россіи,—и возвратился изъ Орды, получивъ «старѣйшинство во всей братьи своей» съ именемъ Великаго Князя Владимірскаго ([166]),

Въ самую тяжкую годину Россіи призвалъ промыслъ Божій св. Александра на трудъ великокняжескаго служенія. Великій Князь, посредникъ во всѣхъ сношеніяхъ народа Русскаго съ его поработителями, долженъ былъ нести троякій трудъ: надобно ему было угодить Ханамъ, чтобы, заслуживъ ихъ довѣріе, держать ихъ вдали отъ Россіи, которая иначе могла бы погибнуть. Надобно ему было, съ другой стороны, самыя уступки власти иноземной глубоко и предусмотрительно соображать съ послѣдующими выгодами государства, чтобы сберечь въ немъ неприкосновенными начала народной жизни. Надобно еще было ему съумѣть пріучить своихъ подданныхъ къ великодушной покорности Монголамъ, такъ однакожъ, чтобы не обнаружить своихъ тайныхъ предначертаній и отдаленныхъ надеждъ на лучшую будущность отечества, рановременное обнаруженіе которыхъ могло быть гибельно для Руси. Св. Александръ вынесъ этотъ тяжкій трудъ съ необычайнымъ терпѣніемъ и мудростію.

Съ радостію и надеждою принялъ народъ св. Александра, когда онъ возвратился изъ Орды Великимъ

([166]) Тамъже.

Княземъ. И не обманулся. Послѣ торжественной встрѣчи Митрополитомъ Кирилломъ, вышедшимъ къ золотымъ воротамъ со крестами, въ сопровожденіи духовенства и гражданъ ([167]), вступивъ на престолъ отца своего, св. Александръ началъ новое служеніе дѣлами благочестія и человѣколюбія, началъ возстановлять храмы Божіи и собирать къ родному пепелищу разсѣянный народъ, всѣми мѣрами помогая нуждающимся ([168]). Съ перваго раза Господь порадовалъ и самаго св. Александра извѣстіемъ, пріятнымъ для него, и какъ для Князя, и какъ для отца. Въ 1253 г. Литва напала на область Новгородскую и, сдѣлавъ въ ней значительное опустошеніе, уже возвращалась домой. Но сынъ св. Александра, кн. Василій Александровичъ, оставленный въ Новгородѣ, нагналъ ее съ Новгородцами подъ Торопцемъ, одержалъ побѣду, отнялъ добычу и возвратился въ Новгородъ. Пріятное извѣстіе объ этой побѣдѣ въ скоромъ времени восполнилось вѣстями о новыхъ побѣдахъ Новгородцевъ. Въ томъ же году, Нѣмцы, какъ будто спѣша воспользоваться отсутствіемъ страшнаго для нихъ Александра, подступили къ Пскову и выжгли посадъ. Псковичи и сами отражали ихъ мужественно; но на помощь имъ двинулись еще Новгородцы: это движеніе такъ устрашило Нѣмцевъ, что они бѣжали. Новгородцы однакожъ этимъ не удовольствовались. Возвратившись въ Новгородъ, они приготовились къ походу, пошли за Нарову, опустошили окрестности ея и, вмѣстѣ съ Псковичами, при помощи Корелъ, разбили Нѣмцевъ въ собственныхъ ихъ владѣніяхъ и

---

(167) Лавр. 202.

(168) Рук. жит. св. Алек. № 253; спис. Ал. Лавры л. 46. Ник. лѣт. III, 34.

заставили ихъ просить мира на всѣхъ условіяхъ, какія бы ни предложили Новгородцы, или Псковичи ([169]).

Новгородская же лѣтопись замѣчаетъ о слѣдующемъ годѣ: «добро бяше хрестьянамъ», — добро — потому, что Руси не безпокоили въ это время ни Татары, успокоенные св. Александромъ, ни Литва и Нѣмцы, усмиренные сыномъ его Княземъ Василіемъ. Но въ самомъ Новгородѣ зараждалось уже нѣчто недоброе. Можно себѣ представить, какъ и странно, и больно было св. Александру вдругъ услышать, что Новгородъ, столько обязанный ему самому и въ недавнее время его сыну, самовольно принялъ въ 1254 г. бѣжавшаго изъ Твери брата его Ярослава, сначала далъ ему Ладогу, а потомъ предложилъ Псковъ ([170]). Но Новгородъ не ограничился этимъ. Залучивъ къ себѣ на всякій случай Князя, котораго могъ призвать къ себѣ, когда бы захотѣлъ, онъ былъ столько дерзокъ, что готовилъ посольство къ в. к. Александру, «яко о миру» ([171]), какъ будто имѣлъ право предлагать условія. Архіепископъ Далматъ, которому ввѣрены были граматы къ В. Князю, нѣсколько замедлилъ своимъ отправленіемъ. Между тѣмъ въ это время народъ раздѣлился между собою, и Новгородъ въ 1255 г. довершилъ дерзость преступленіемъ, изгналъ князя Василія Александровича и вызвалъ изъ Пскова Ярослава Ярославича ([172]). Оскорбленный Александръ двинулся къ Новгороду съ своею ратью; но не месть руководила этимъ движеніемъ; не кровопролитія желалъ Князь.

([169]) Новгор. 1, 55; П. Г. Р. т. IV, 45—46.

([170]) Лавр. 202.

([171]) Тамъ же.

([172]) Новгор. 1, 55.

Онъ хотѣлъ только возстановить въ нелюбимомъ порядка Новгородѣ законный порядокъ. И дѣйствительно, достигъ своей цѣли не проливъ ни капли крови, одними мѣрами благоразумія. Двинувшись съ войскомъ изъ Торжка, гдѣ дожидался его сынъ, изгнанный Князь Новгородскій, и на пути узнавъ, что Ярославъ уже бѣжалъ, а Новгородцы раздѣлились между собою, онъ не послушалъ совѣта людей, принесшихъ ему эти вѣсти и предлагавшихъ спѣшить къ Новугороду и съ Новгородцами, державшимися его стороны, разсѣять неблагопріятствовавшихъ Василію,—послалъ на вѣче Новгородское князя Бориса Васильковича сказать, чтобы выдали ему, какъ виновника мятежа, посадника Ананію, и ожидалъ отвѣта. Отвѣтъ былъ неблагопріятный; Новгородцы хотѣли отстоять посадника. Александръ не отступалъ, грозилъ, по—медлилъ. Желая, наконецъ, какъ нибудь покончить дѣло, онъ предложилъ имъ послѣднее условіе, до котораго могла простираться его снисходительность: пусть Ананія сложитъ съ себя посадничество ([173]). Сознавая всю правоту дѣйствій св. Александра ([174]) и понявъ, конечно, что дальнѣйшее противленіе могло бы, наконецъ, превзойти мѣру терпѣнія Вел. Князя, Новгородцы «вышли на встрѣчу ему со крестами, поклонились ему съ честью многою, приняли его съ радостію великою, покорились сыну его, а самаго отпустили съ великою

([173]) Новгор. 1, 53 56. Лѣтописецъ, державшійся, какъ кажется, стороны, противной Василію, говоритъ, что дѣло кончилось примиреніемъ «на всей воли Новгородской». Послѣдующія событія говорятъ другое, и мы болѣе довѣряемъ лѣт. Лавр. и Соф. врем.

([174]) «А князь безъ грѣха» Новгор. 1, 53.

честію, получивъ отъ него миръ» ([175]) и вскорѣ признавъ посадникомъ избраннаго имъ Михаила Степановича([176]).

Усмиривъ такимъ образомъ Новгородцевъ и давъ имъ на будущее время ясно разумѣть, что ихъ вольность и мятежи не всегда будутъ оставаться безнаказанными, св. Александръ возвратился во Владиміръ,—не для покоя,—нѣтъ; а для новыхъ тягчайшихъ трудовъ. Съ 1256 г. мы видимъ его въ непрерывныхъ подвигахъ во благо отечества. Изъ Новгорода спѣшитъ онъ во Владиміръ. Но Владиміръ былъ для него на этотъ разъ только перепутьемъ: отсюда ему нужно было немедленно отправиться на Городецъ и въ Нижній Новгородъ, гдѣ начинались тогда переговоры съ Татарами объ исчисленіи народа. И онъ отправился; послалъ съ племянникомъ своимъ Княз. Борисомъ Васильковичемъ дары къ Улавчію, который, по порученію Хана Берки, занявшаго мѣсто Батыя, завѣдывалъ дѣлами Русскими, — и возвратился во Владиміръ въ ожиданіи послѣдствій своего посольства ([177]).

Не много времени пробылъ св. Александръ во Владимірѣ и теперь. Въ то время, какъ онъ былъ въ Нижнемъ Новгородѣ, куда, вѣроятно, бралъ и сына своего Князя Василія ([178]), Шведы, Емь, Сумь и Ливонскій Магистръ подошли ратью къ предѣламъ Новгородскимъ и на Наровѣ стали-было строить крѣпость. Посольство Новгородцевъ къ Александру съ просьбою о помощи и сборъ войска по волости Новгородской устрашили враговъ и заставили бросить предпріятіе.

([175]) Лавр. 203; Соф. врем. 269.

([176]) Новгор. 1, 56.

([177]) Лавр. 203.

([178]) «Тогда не бяше князя въ Новѣгородѣ» (Новгор. 1, 56).

Но св. Александръ не успокоился этимъ. Зимою тогоже 1256 года двинулся онъ съ своею дружиною къ Новугороду въ сопровожденіи Митрополита: обстоятельство, замѣчательное во всякомъ случаѣ, для себя ли взялъ съ собою Князь Владыку, или ради Новгородцевъ; оно свидѣтельствуетъ о благочестіи Князя, и показываетъ, какъ многотрудно было служеніе св. Александра, если ему нужно было пособіе Первосвятителя для того, чтобы убѣдить Новгородцевъ принять участіе въ походѣ, изъ-за нихъ же и для ихъ пользы предпринимаемомъ. Сборы въ Новѣгородѣ производились спѣшно, хотя цѣль похода держалась въ тайнѣ. Наконецъ, все воинство двинулось къ Копорью, гдѣ Митрополитъ окончательно благословилъ его, и откуда св. Александръ пошелъ на подвластную Шведамъ Емь, а митрополитъ возвратился въ Новгородъ. Многіе и изъ Новгородцевъ возвратились домой. Но у Александра довольно было еще дружины, и онъ спѣшилъ поразить враговъ нечаянымъ нападеніемъ. Незнакомый путь былъ труденъ и страшенъ; надобно было проходить ущельями горъ (179), среди вьюгъ и мятелей, которыя не давали возможности различить день отъ ночи и заставляли войско идти ощупью; но Александръ рѣшился положить конецъ своеволію сосѣдей, и—продолжалъ путь, неожиданно явился въ странѣ вражеской, прошелъ ее грозными стопами и съ множествомъ плѣнниковъ, а главное — съ славою побѣды, которая надолго усмирила Шведовъ, возвратился въ Новгородъ (180).

---

(179) Рук. жит. св. Александра № 273 и 277. Сп. Алек. Лавры л. 31 на об.

(180) Лавр. 203; Новг. 1, 55; Соф. врем 268—270.

Въ Новгородѣ св. Александръ оставилъ по прежнему сына своего Князя Василія, а самъ съ двумя боярами Новгородскими отправился во Владиміръ. Принесенные ли Княземъ Борисомъ Васильковичемъ новые слухи изъ Орды, или только прежніе продолжавшіеся еще переговоры Князей съ Татарами въ Нижнемъ Новѣгородѣ, были причиною того, что Князь, по возвращеніи во Владиміръ, спѣшилъ въ Орду; только въ 1257 г. онъ уже былъ у Улавчія вмѣстѣ съ князьями Андреемъ (который, по милости св. Александра, былъ въ это время Княземъ Суздальскимъ) и Борисомъ. Эта новая поѣздка была, если не самая трудная, то едва ли не самая важная по своимъ послѣдствіямъ. Дѣло шло объ окончательномъ опредѣленіи отношеній Татаръ къ Россіи. Здѣсь нужно было все терпѣніе и благоразуміе св. Александра, чтобы спасти Россію, не имѣвшую силъ защищаться. И онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать. Вслѣдъ за Александромъ въ 1257 г., говорятъ лѣтописи, пріѣхали въ Россію татарскіе *численники*, переписавшіе всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую; но не внесшіе въ перепись духовенства и оставившіе въ Россіи только десятниковъ, сотниковъ и другія лица, которыя должны были завѣдывать сборомъ податей. Такимъ образомъ Татары держались вдали отъ Россіи, удовольствовавшись только внѣшнею властію надъ нею. У Русскихъ остались свои правители-Князья единоплеменные; а вмѣстѣ съ тѣмъ—и свои законы и обычаи, которые передала имъ отечественная древность, — остался неприкосновеннымъ языкъ, котораго не нужно было ни оставлять, ни искажать, потому что они по прежнему сносились только съ своими Князьями на своемъ родномъ нарѣчіи,—

осталась неприкосновенною св. Вѣра Православная, даже уваженная въ лицѣ служителей олтаря Татарами... Времена могли измѣниться; Русь могла со временемъ укрѣпиться въ силахъ и свергнуть съ себя иноземное иго и возвратить свою свободу; но не возвратила бы она, еслибы разъ потеряла, своихъ народныхъ свойствъ, которыя отстоялъ и оградилъ своею мудростію св. Великій Князь Александръ Невскій ([181]).

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ св. Александръ опять отправился въ Орду вмѣстѣ съ князьями Андреемъ, Борисомъ и Ярославомъ Тверскимъ (котораго тоже, какъ и Андрея, въ это время простилъ), въ слѣдъ за численниками Татарскими, вѣроятно, для увѣренія Улавчія въ исправности взноса дани по переписи ([182]). Путешествіе это кончилось само по себѣ благополучно; но въ немъ былъ уже зародышъ новаго горя и новыхъ заботъ для св. Александра. Онъ везъ оттуда опредѣленіе воли ханской—подчинить и вольный доселѣ Новгородъ общему порядку, переписать и заставить платить дань. Безъ сомнѣнія, зная характеръ Новгородцевъ, Князь ожидалъ уже непріятностей: возникшія, дѣйствительно, непріятности предупредили пріѣздъ его и превзошли ожиданія его. Еще въ 1257 г., когда шла перепись земли Суздальской и когда потомъ Александръ былъ въ Ордѣ, въ Новгородѣ пронесся слухъ о томъ, что Татары хотятъ наложить подати и на Новгородцевъ. Вольный народъ, привыкшій уступать самой необходимости только среди ропота и съ бою, возмутился при этой вѣсти и провелъ все лѣто въ мятяжахъ и волне-

([181]) Лавр. 203.
([182]) Тамже.

піяхъ, доходившихъ до убійствъ ([183]). Когда въ 1258 г. св. Александръ пошелъ къ Новгороду вмѣстѣ съ численниками, оказалось, что и сынъ его, Князь Новгородскій Василій, увлекся по своей неопытности и, раздѣляя съ народомъ неразумную мысль о безполезномъ сопротивленіи, бѣжалъ во Псковъ: новая скорбь для св. Князя — огорченіе отъ сына! Къ счастію, на этотъ разъ дѣло съ Татарами покончилось, хотя не окончательно, безъ особенныхъ тревогъ и непріятностей. Численники оказались довольно сговорчивыми: удовольствовавшись на первый разъ видимою покорностію Новгородцевъ и дарами Хану, они выѣхали изъ Новагорода ([184]). Довольные исходомъ дѣла, Новогородцы удержали у себя св. Александра на нѣсколько времени, стараясь, вѣроятно, въ сознаніи своей вины предъ нимъ, почтить его, сколько можно болѣе ([185]). Князь въ это время вызвалъ изъ Пскова своего ослушнаго сына, чтобы отослать его въ наказаніе въ Суздальскую землю, наказалъ сообщниковъ его и отправился во Владиміръ ([186]).

Это было въ началѣ 1259 г. На возвратномъ пути изъ Новагорода, въ среду Страстной недѣли, онъ былъ въ Ростовѣ, принесъ молитву свою Заступницѣ рода Христіанскаго, принялъ благословеніе отъ уважаемаго имъ Епископа Кирилла, и, послѣ свиданія съ Князьями Ростовскими Борисомъ и Глѣбомъ и матерью ихъ, Кн. Маріею, возвратился во Владиміръ ([187]).

([183]) Убитъ былъ посадникъ. Новг. 1, 56; Соф. врем. 270.

([184]) Новг. 1, 56.

([185]) Лавр. 203.

([186]) Тамже; Новгор. 1, 56; Соф. врем. 270.

([187]) Лавр. тамже.

Но и теперь ему привелось пробыть во Владимірѣ только до осени или до начала зимы тогоже года (188). Со времени отъѣзда численниковъ изъ Новгорода въ концѣ 1258 г. о Татарахъ не было слышно до самой осени 1259 г. Но въ это время, послѣ какого-то знаменія въ лунѣ, вдругъ пришла въ Новгородъ вѣсть, что Татары уже на низовской землѣ и готовы нагрянуть на Новгородъ, если онъ не покорится Хану и не приметъ численниковъ. Пораженные страхомъ, Новгородцы безпрекословно согласились на перепись. Зимою явились въ Новгородъ и чиновники Ханскіе (189); а вмѣстѣ съ ними, или въ слѣдъ за ними, и Великій Князь, присутствіе котораго, какъ показали послѣдствія, было необходимо. Скоро открылся въ Новгородѣ мятежъ. Правда, виною его были притѣсненія со стороны чиновниковъ Ханскихъ, которые, еще не приступая къ переписи, стали съ наглостію собирать дань въ окрестностяхъ Новгорода. Но тогда какъ народъ видѣлъ только притѣсненія, Князь понималъ, что усилившійся мятежъ, разгнѣвавъ Хана, могъ повести къ послѣдствіямъ гораздо худшимъ, чѣмъ перепись, и что народъ становится смѣлѣе потому особенно, что при численникахъ не было Татарскаго войска, — и рѣшился прекратить мятежъ въ самомъ началѣ. Численники уже сами поняли, или и Князь имъ внушилъ, какъ опасна можетъ быть для нихъ наглость въ сборѣ податей, и они обратились къ Александру съ просьбою о защитѣ.

---

(188) Соф. врем. 270.

(189) По нашимъ лѣтописямъ Беркай и Касатикъ, Новг. 1, 56; Соф. врем. также. Бицикъ—Берке и Китатъ—по *Ист. Хан. М. Іакинѳа* стр. 319, 331.

Александръ приставилъ къ нимъ стражами сына посадникова и дѣтей боярскихъ. Простой народъ понялъ это по своему и, думая, что бояре идутъ за одно съ Татарами, рѣшился съ оружіемъ противиться переписи. Дѣло зашло бы очень далеко; но мудрость Александра удержала Новгородцевъ отъ безумія и спасла Новгородъ отъ конечнаго раззоренія. Наутро послѣ народнаго возстанія Александръ выѣхалъ изъ городища съ чиновниками Ханскими и со всею дружиною, предоставивъ Новгородцевъ самимъ себѣ. Это сильно подѣйствовало на буйный народъ; тутъ только увидѣлъ онъ, до чего доводилъ себя, противясь и Ханамъ, и своему Князю, и, скрѣпя сердце, согласился на перепись. Она окончена была благополучно. Численники уѣхали, предоставивъ самому Новугороду пересылать по переписи подать непосредственно, или чрезъ Вел. Князя. Вскорѣ послѣ нихъ отправился во Владиміръ и св. Александръ, оставивъ княземъ въ Новѣгородѣ сына своего Димитрія ([100]).

Не предугадывалъ, можетъ быть, св. Александръ, что послѣдующіе два года мира ([101]), какой только былъ возможенъ въ то время, были какъ будто нѣкою *ослабою*, какую послѣ постоянныхъ трудовъ его на пользу отчизны, даровалъ ему Господь, *да почіетъ, прежде даже не отъидетъ* (Псал. 38, 14). Но безъ всякаго сомнѣнія, эти дни мира, въ которые Господь

([100]) Соф. врем. 270—271. Нов. 1, 56—57. И. Г. Р. т. IV стр. 49—50. Здѣсь ко времени этого отъѣзда Александра изъ Новгорода относится посѣщеніе Ростова; но то было въ началѣ 1259 г. а этотъ отъѣздъ въ концѣ этого года или въ началѣ 1260.

([101]) Соф. врем. 271; Нов. 1, 57.

посѣтилъ (1261 г.) его радостію рожденія сына, кн. Даніила, родоначальника Князей Московскихъ ([192]), дышавшій благочестіемъ Князь посвятилъ на служеніе Господу ([193]). По крайней мѣрѣ, послѣдніе дни жизни показали, чѣмъ постоянно былъ занятъ, куда устремленъ духъ его.

Еще одинъ подвигъ, тягостный, но вмѣстѣ истинно высокій, предстоялъ св. Александру: то былъ уже подвигъ послѣдній, среди котораго неутомимый въ жизни подвижникъ долженъ былъ по судамъ Промысла Божія, кончить свою жизнь. Подъ мудрымъ управленіемъ св. Александра, народъ Русскій привыкъ переносить съ Христіанскимъ терпѣніемъ и упованіемъ иго иноземной власти, какъ это ни было тяжко. Къ несчастію, Татары рѣшились почему-то замѣнить своихъ сборщиковъ откупщиками Хазарскими, или Хивинскими, извѣстными въ лѣтописяхъ нашихъ подъ именемъ Бесерменовъ. Эти Бесермены, искавшіе только своихъ выгодъ, естественно, не щадили своихъ данниковъ, раззоряя ихъ безъ всякаго милосердія. Когда дерзость ихъ дошла до того, что они перестали щадить и свя-

---

([192]) Лавр. 203; отъ первой ли же это супруги св. Александра, или отъ второй, не знаемъ: потому, что не знаемъ опредѣленно, когда скончалась кн. Александра, и когда вступилъ потомъ св. Александръ въ другой бракъ, — не имѣемъ даже положительныхъ свидѣтельствъ о дѣйствительности втораго брака св. Александра, кромѣ свидѣтельства одной надгробной надписи во Владимірѣ, указывающей мѣсто погребенія кн. Вассы, бывшей будтобы второю супругою Александра. И. Г. Р. т. IV, прим. 110.

([193]) Не къ этому ли времени отнести надобно основаніе св. Александромъ въ Суздалѣ монастыря, о которомъ см. въ обозрѣніи губер. вѣд. *Борич.* (Ж. М. Н. П. Ч. LIX, отд. VI, стр. 231,?

тыню, надъ которою ругались, терпѣніе народа истощилось. Въ 1262 г., какъ будто по предварительному совѣщанію, жители Владиміра, Суздаля и Ростова возстали по звуку вѣчевыхъ колоколовъ, противъ своихъ притѣснителей, однихъ избили, другихъ изгнали. Народъ былъ доволенъ успѣхомъ. Слѣпой, онъ не видѣлъ, чему этотъ успѣхъ подвергалъ Князя, чѣмъ грозилъ всей землѣ Русской. Но уже шло дышавшее местью войско татарское, то, кажется, войско, съ которымъ вмѣстѣ, по приглашенію Хана, разсчитывавшаго на покорность Русскихъ, они должны были отправиться въ какой-то походъ ([194])... Великій Князь долженъ былъ спѣшить въ Орду—умилостивить Хана. Тяжкій подвигъ!. Можно было предполагать, каковъ будетъ пріемъ въ Ордѣ Князю, который прежде поручился за покорность народа и на котораго, слѣдовательно, могла пасть вся вина народнаго возстанія. Но Александръ думалъ только о своемъ отечествѣ, забывая себя, когда дѣло шло о благѣ народа. Даже среди самыхъ сборовъ въ путешествіе въ Орду, онъ не забываетъ и другихъ нуждъ Руси, отправляетъ дружину свою въ Новгородъ, и посылаетъ своего сына Кн. Димитрія на войну противъ Нѣмцевъ къ Дерпту ([195]). Наконецъ, самъ отправляется въ Орду... Онъ поѣхалъ въ 1262, а возвращался уже осенью 1263 г.: понятно, какъ долго шли переговоры и какихъ трудовъ потребовалъ отъ него подвигъ умилостивленія разгнѣванныхъ властей татарскихъ. Между тѣмъ успѣхъ этого

([194]) Арцыб. II, 34 пр. 255. Рукоп. жит. св. Алекс. №№ 273 и 277.

([195]) Новгор. 1, 57.

подвига превзошелъ ожиданія. Князь поѣхалъ за тѣмъ, чтобы только умилостивить Хана, а возвращался съ вѣстію и о томъ, что Ханъ освобождалъ Русскихъ отъ обязанности воевать за Монголовъ: значитъ, онъ употребилъ всѣ мѣры къ защитѣ своего отечества, показалъ новый опытъ мудрости, оказалъ отечеству новую незабвенную заслугу... Возвращался... несъ радостную вѣсть своему отечеству; но—не судилъ уже ему Господь живымъ возвратиться во Владиміръ, самому принесть своему народу радостную вѣсть....

V.

Кончина св. Благ. Великаго Князя Александра, чудеса отъ святыхъ мощей его и послѣдующая судьба св. мощей.

Св. Александръ выѣхалъ изъ Орды уже съ разстроеннымъ здоровьемъ ([106]). Достигнувъ Нижняго Новгорода, онъ остановился здѣсь на нѣсколько времени и отправился далѣе, когда сталъ чувствовать себя нѣсколько лучше ([107]); но доѣхавъ до Городца (волжскаго) ([108]), занемогъ такъ тяжко, что уже не могъ продолжать пути, и остановился. Не для того уже остановился, чтобы искать помощи, или выждать время выздоровленія,—нѣтъ; не о выздоровленіи помышлялъ

([106]) Соф. врем. 273.

([107]) Рук. жит. № 273; сп. Ал.-П. Лавры, л. 66 на об. Ст. кн. 1,172.

([108]) П. Р. Н. *Полев.* IV, 92; а не *Городка* (нынѣ Касимова, Ряз. губ.), какъ говорится въ *обозр. губ. вѣд.*, гдѣ и годъ кончины св. Александра означенъ неправильно (Ж. М. Н. П. 1831, Мартъ, отд. VI, стр. 132). *Городокъ* никогда не назывался *Городцомъ* и былъ не на пути изъ Нижняго Новгорода ко Владиміру. *Городецъ*—село Нижег. губ. Балахн. уѣзда. Арц. II, прим. 1207.

онъ, хотя былъ еще въ такихъ лѣтахъ, въ которыя и при болѣзни многіе не вдругъ останавливаются на мысли о смерти: ему было тогда сорокъ три года. Предчувствовалъ онъ, что недугъ его—вѣстникъ смерти, и спѣшилъ не временныя какія нибудь мѣры принять, не какія либо послѣднія распоряженія сдѣлать,—спѣшилъ запечатлѣть свою вѣру, любовь, свое служеніе Богу—обѣтами всецѣлаго посвященія себя Богу, обѣтами иночества. Это былъ, правда, не первый, даже нельзя сказать, чтобъ рѣдкій примѣръ въ тѣ времена. Но не обычай времени, не примѣръ только другихъ руководилъ мудрою душею св. Александра въ поспѣшномъ принятіи обѣтовъ иноческихъ. Это было изволеніе святаго сердца его, во всю жизнь преуспѣвавшаго въ стремленіи къ Богу,—это было вѣнцемъ его постояннаго, вѣрнаго, разумнаго служенія Богу. То истинно-ангельское спокойствіе, съ какимъ послѣ принятія ангельскаго образа, совершилъ онъ послѣднее прощаніе съ своими приближенными и со всѣми, кто могъ быть при одрѣ его,—та послѣдняя просьба, съ какою онъ обратился къ окружавшимъ одръ его съ невольными слезами и рыданіемъ: «удалитесь и не сокрушайте души моей жалостію» (199),—служатъ живымъ свидѣтельствомъ, какъ искренни были его обѣты, какъ живо было стремленіе его къ Богу, которому онъ посвятилъ себя у вратъ смерти на всю вѣчность, принявъ, наконецъ, и схиму (200). Постриженіе совершено было 14 Ноября; въ туже

(199) И. Г. Р. т. IV, стр. 56; рук. жит. № 273.

(200) Псков. 2, П. С. Л. т. VI, 5 — 6; рук. жит. спис. Алекс. Лавры л. 68.

ночь благочестивый духъ Князя—инока Алексія отошелъ къ Богу (201).

Такъ рановременно по суду человѣческому, и благовременно по намѣреніямъ Промысла Божія, такъ свято предъ очами Божіими и человѣческими, кончилась жизнь св. Александра Невскаго!.. Кончилась?... Нѣтъ! Кончилось видимое общеніе св. Князя съ любившимъ его народомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ началась безсмертная жизнь имени его въ благодарной памяти народной, передававшей изъ вѣка въ вѣкъ славу подвиговъ героя Невскаго. Кончилось предопредѣленное ему время неутомимыхъ подвиговъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ началось нескончаемое время наградъ и воспарившему къ небу его духу, и успокоившемуся отъ трудовъ тѣлу,—наградъ, которыхъ не замѣнила бы самая продолжительная жизнь со всѣми ея радостями.. О, вѣдомы ли были блаженному духу твоему, Отецъ отечества своего, спасавшій его въ самую тяжкую годину отъ самаго тяжкаго горя,—вѣдомы ли были духу твоему тѣ рыданія и слезы, съ какими народъ твой принялъ вѣсть о кончинѣ твоей, съ какими принялъ онъ драгоцѣнное сокровище—останки твои и предалъ ихъ землѣ? Не мало огорченій среди непрерывныхъ, тяжкихъ и въ высшей степени благотворныхъ трудовъ, испыталъ ты со стороны неразумныхъ чадъ твоихъ—твоего народа: теперь утѣшился бы духъ твой, еслибы нуждался въ земныхъ утѣшеніяхъ; теперь увидѣлъ бы ты, какъ цѣнили тебя, какъ любили тебя, Ангелъ-Хранитель добраго народа Русскаго!... Владиміръ твой ждетъ своего

---

(201) Соф. врем. 273; рук. жит., лаврск. сп. л. 68 на об.

Князя съ радостными вѣстями... Не ту вѣсть вѣщаетъ ему Первосвятитель Кириллъ: «чада моя милая! зайде солнце земли Русскія» ([202]). Посмотрѣлъ бы ты, какъ народъ принялъ эту горькую истину, какъ Первосвятитель передалъ ее. Народъ какъ будто не понялъ,— онъ, можетъ быть, не хотѣлъ понять словъ своего Архипастыря... Какъ, безъ сомнѣнія, и Святитель желалъ бы объяснить ихъ не такъ! Но уже все кончено: народъ долженъ узнать свое горе! «Благовѣрный великій Князь преставился», говоритъ со слезами Святитель ([203]): у народа, въ отвѣтъ, нашлось только два слова, въ которыхъ вылилась вся скорбь, вся туга сердечная по тебѣ, защитникъ земли Русской!—«Уже погибаемъ» ([204])!.. Пришелъ и самый мрачный день скорби и сѣтованія, когда пораженный печалію, престольный градъ твой вышелъ срѣтить и принять на могильный покой святыя останки твои... Въ дни ожиданія св. тѣла народъ успѣлъ припомнить всѣ доблести, всѣ подвиги, всѣ благодѣянія Князя, который съ ангельскою добротою, неусыпностію и терпѣніемъ трудился во благо его... И приникалъ ли свыше блаженный духъ твой, благодѣтель своего роднаго края, къ умилительному зрѣлищу, какое было у твоего гроба, когда, въ торжественномъ шествіи во Владиміръ, толпы, безпрестанно возрастая, спѣшили хоть прикоснуться къ святому тѣлу твоему, къ честному гробу твоему; когда рыданіями народными, какихъ дотолѣ не бывало, заглушалось пѣніе погребальное; когда собствен-

---

([202]) Соф. врем. тамже.

([203]) Рук. житія св. Александра; лаврск. сп. л. 69 на об.

([204]) Соф. врем. тамже.

ными слезами пѣвцовъ прерывалось пѣніе?.. Вѣдомо ли, наконецъ, тебѣ то, что переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ, вмѣстѣ съ памятью твоихъ доблестей и подвиговъ,—трогательное выраженіе всей скорби по тебѣ, всей любви къ тебѣ, какое читаемъ мы, отдаленные потомки облагодѣтельствованныхъ тобою прапрадѣдовъ нашихъ, въ письменахъ свидѣтелей твоей кончины: «отца человѣкъ можетъ забыти, а добра господина не можетъ оставити; аще бы лзѣ, и въ гробъ бы легъ съ нимъ» ([205]). Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ теперь чувства своихъ предковъ къ тебѣ, и раздѣляемъ ихъ, отдавая предкамъ и честь, и славу, и искреннюю признательность за ихъ добрыя чувства!..

За тебя же, слава не только царства Русскаго, но и святой церкви Христовой, радуемся мы, не столько припоминая ту честь, какую воздалъ тебѣ народъ твой, сколько съ благоговѣніемъ проникая къ славѣ, какую достойно воздалъ тебѣ Господь! Съ радостію припоминаемъ явныя знаменія прославленія твоего на небѣ, такъ видимо отражающагося на покоющихся среди насъ нетлѣнныхъ останкахъ твоихъ. Въ славѣ твоего, просіявшаго нетлѣніемъ, тѣла мы прозираемъ вѣчную славу твоего духа, блаженствующаго въ обителяхъ Отца небеснаго, и благословляемъ святѣйшее имя Господа, дарующаго вѣрнымъ рабамъ своимъ вѣчную славу въ воздаяніе за ихъ труды, являющаго и другимъ эту славу еще во времени, въ ободреніе въ трудѣ угожденія Ему. Благословляемъ и твое святое имя, благоговѣя предъ множествомъ твоихъ подвиговъ и

([205]) Псков. 2, 5.

трудовъ, а еще болѣе—предъ высотою и чистотою святой души твоей, всегда бодрственной, всегда всецѣло Богу преданной, умѣвшей каждое изъ дѣлъ жизни возводить въ достоинство жертвы и служенія Богу!

Господь не умедлилъ воздаяніемъ заслуженной славы вѣрному рабу своему, св. Благовѣрному В. Князю Александру. При самомъ погребеніи св. Князя она была явлена въ чудномъ событіи. Когда надобно было вложить въ руку его «грамату душевную» и Митрополитъ Кириллъ съ (экономомъ) Севастіаномъ пришли ко гробу, чтобы разгнуть руку, она сама, какъ бы живая, простерлась и приняла грамоту. Пораженный видѣніемъ, Митрополитъ повѣдалъ явленіе народу—([206]). Этого уже довольно было для благочестиваго народа, знавшаго добрыя качества Вел. Князя. Съ той почти самой поры, уразумѣвъ по явленію, что Благовѣрный Князь—Угодникъ Божій, нѣкоторые начали уже призывать его въ молитвахъ, какъ ходатая и заступника земли Русской.

Такъ въ 1380 году, когда грозныя полчища Мамаевы двинулись къ Дону и В. К. Димитрію надобно быть идти на рѣшительную битву съ Татарами, въ обители Рождества Пресвятыя Богородицы во Владимірѣ, отшельникъ, въ тиши ночнаго уединенія въ притворѣ церковномъ, взываетъ къ св. Александру о помощи противу безбожныхъ.... И не напрасно. Молитва инока услышана была св. Княземъ — инокомъ, а совершившееся знаменіе послужило поводомъ къ новому явленію славы св. Александра. Среди усиленной молитвы, инокъ видитъ, что у гроба Угодника Божія

([206]) Псков. 2, 6. Соф. врем. 274.

свѣщи возжглись сами собою, и къ гробу приступили два свѣтолѣпныхъ старца, говорившіе св. Князю: «востани, Александре, ускори на помощь сродпику своему, В. К. Димитрію, одолѣваему сущу отъ иноплеменникъ». Св. Александръ возсталъ, и всѣ стали невидимы. Смиренный инокъ, пораженный страхомъ, умолчалъ-было о видѣніи своемъ. Но когда открылось, что видѣніе было именно въ ночь на приснопамятный день Донской побѣды, онъ уже боялся молчать долѣе и повѣдалъ обо всемъ Митрополиту. Событіе было поразительно. Первосвятитель видѣлъ въ немъ указаніе Промысла Божія, и, съ согласія В. Князя, открылъ мѣсто погребенія св. Б. К. Александра. Чрезъ 117 лѣтъ со времени погребенія св. мощи явились нетлѣнными. Ихъ честно взяли съ мѣста покоища и съ торжествомъ положили въ ракѣ верху земли (207)... Такъ совершилось открытіе св. мощей св. Благовѣрнаго В. Князя Александра Невскаго!

Упомянемъ о нѣкоторыхъ изъ послѣдующихъ знаменій, бывшихъ при ракѣ св. Александра. Въ 1491 году, Мая 23 дня, въ понедѣльникъ, съ утра видимо было необыкновенное знаменіе надъ храмомъ, гдѣ почивали св. мощи Благовѣрнаго В. Кн. Александра: отъ церкви, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ были мощи, поднимался вверхъ какъ бы столпъ облачный, легкій, тонкій, какъ дымъ, чистый, какъ иней, блестящій, какъ свѣтъ. Среди этого прозрачнаго облака видѣлось «подобіе образа блаженнаго В. К. Александра», какъ будто на конѣ устремляющагося къ небу. Жителей Владиміра объялъ такой страхъ и ужасъ, что они начали

---

(207) Рук. жит. св. Александра №№ 273, 277. Ст. кн. 1. 374.

по всему городу звонить, предчувствуя какую-то общую бѣду. Дѣйствительно, въ полдень открылся страшный пожаръ, обнявшій весь городъ. Народъ, не находя себѣ прибѣжища, устремился ко храму Рождества Пресвятыя Богородицы, гдѣ почивали св. мощи Александра Невскаго. Попущеніемъ Божіимъ, загорѣлся, наконецъ, и этотъ храмъ. Все выгорѣло внутри его... Огонь достигалъ и до нетлѣнныхъ останковъ Угодника Божія, и, какъ бы въ явное свидѣтельство чуда, оставилъ на нихъ «нѣкое знаменіе», — но именно только въ свидѣтельство чуда: нетлѣнныя мощи были невредимы; даже пелена, покрывавшая ихъ, осталась неповрежденною среди огня, потребившаго все, что было вокругъ ([208]). Въ 1541 году, послѣ праздника Успенія Богоматери, въ пятокъ, по окончаніи вечерни (такъ подробно записано это знаменіе!) свѣща у гроба Блаженнаго В. Князя Александра Невскаго возжглась сама собою ([209]). Послѣ многократныхъ разнообразныхъ исцѣленій, совершившихся при гробѣ св. Александра ([210]), подобное знаменіе не могло не обратить на себя вниманія, тѣмъ болѣе, что за нимъ слѣдовали другія чудеса, которыя привлекали ко гробу Угодники поклонниковъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи ([211]). И мы, дѣй-

---

([208]) Рук. жит. №№ 277. Спис. Ал. лавры л. 73—76. Ст. кн. 2, 134—135.

([209]) Рук. жит. № 273. Спис. Алек. Лавры л. 51 на обор. Ст. кн. 1, 375.

([210]) Таковы исцѣленія: 1), двухъ слѣпыхъ женъ; 2) человѣка, имѣвшаго сухую ногу; 3) разслабленнаго, именемъ Леонтія 4) также разслабленнаго нѣкоего инока, по прозванію Красовцова; 5) инока Давида. Рук. жит. № 273, 277; лаврс. спис. л. 78—81 на обор.

([211]) Эти чудеса: 1) исцѣленіе бѣсноватаго крестьянина Терентія; 2) болярскаго сына Истомы Головина; 3) привезеннаго во Вла-

ствительно, видимъ, что благоговѣніе ко св. Александру, предстателю земли Русской и Чудотворцу, внушило первосвятителю Макарію мысль — предложить на соборѣ 1547 г. установить празднованіе св. Александру Невскому, дотолѣ мѣстно чтимому, общее — по всей Россіи, что соборъ и принялъ и утвердилъ (212). Новый знакъ общаго благоговѣнія къ св. Александру видимъ въ послѣдовавшемъ за тѣмъ посѣщеніи мѣста Угодника Божія Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, предъ отходомъ его въ Казань на побѣдоносную брань съ Татарами (213): случай, сдѣлавшійся особенно замѣчательнымъ и памятнымъ по новому знаменію, совершившемуся у раки Благовѣрнаго Князя! При В. Князѣ былъ въ это время и списатель житія св. Александра Невскаго. Онъ-то разсказываетъ о себѣ: «увидѣлъ, говоритъ, я близъ помосту церковнаго на гробѣ Блаженнаго малую скважино; желая узнать, что это за отверстіе, я вложилъ въ него одинъ изъ перстовъ руки моей и почувствовалъ, что перстъ мой омоченъ былъ какъ бы въ какую масть; поспѣшно вынулъ я его оттуда, и сначала ощутилъ благоуханіе, а потомъ увидѣлъ, что вложенный въ отверстіе перстъ, издавна покрывавшійся болѣзненнымъ струпомъ, очистился и исцѣлѣлъ» (214). Такимъ образомъ самъ Царь былъ свидѣтелемъ знаменія. И по всей вѣроятности, въ это-то

димiръ изъ Пскова болярскаго же сына Симеона Забѣлива; 4) какого-то разслабленнаго; 5) бѣсноватаго крестьянина села *Стараго*. Тамже л. 82 на об. 83 на обор.

(212) Слов. ист. о церк. писат. т. 2, стр. 16; изд. С.п.б. 1827 г.

(213) Смотр. Ист. госуд. Россійск. том. VIII, стр. 93.

(214) Рукоп. жит. св. Александра Нев. №№ 273 и 277. Лавр. спис. л. 77—78.

время, много уже слышавъ о чудесахъ отъ св. мощей Угодника Божія, а теперь и самъ удостоившись видѣть знаменіе, онъ повелѣлъ собрать свѣдѣнія о жизни Благ. В. Князя Александра; а Митрополитъ Макарій со всѣмъ усердіемъ содѣйствовалъ изысканіямъ и, наконецъ, поручилъ составить житіе ([215]).

Знаменія и за тѣмъ продолжались ([216]); а вмѣстѣ возрастало болѣе и болѣе и благоговѣніе къ имени св. Александра Невскаго. Въ глубокомъ благоговѣніи къ небесной славѣ, какою пріосѣнилъ Господь нетлѣнныя останки Благовѣрнаго В. Князя, Вѣнценосные потомки его, одушевляемые вѣрою, сдѣлали все, что могли, къ вящшей славѣ святаго имени Александра. Въ великой душѣ Петра Великаго, вмѣстѣ съ достойною высокаго ума его мыслію о созданіи новой столицы на берегахъ Невы, родилась мысль, достойная его благороднаго и благочестиваго сердца, мысль о перенесеніи нетлѣнныхъ мощей героя Невскаго на берега Невы. И Господь благословилъ ее къ славѣ имени своего Угодника, къ утѣшенію великаго отца отечества нашего, къ чести и благу новоустроенной столицы. Торжествен-

---

([215]) Рук. жит.; лаврск. спис. л. 3—4; Ст. кн. 2, 156—157.

([216]) Изъ нихъ записаны: 1) исцѣленіе нѣкоего бѣсноватаго гражданина Владимірскаго Θеодора, въ 1572 г., 2) слѣпой женщины изъ села Красваго, владимірскаго округа; 3) какого-то бѣсноватаго; 4) разслабленной жены посадскаго человѣка г. Владиміра Василья Григорьева; 5) видѣніе инока старца Антонія (въ 1577 г.), въ дни брани царя Іоанна Васильевича съ Девлетъ-Гиреемъ (лавр. сп. л. 88 на об. 92 на об.); 6) исцѣленіе слѣпца Давида Іосифова; 7) исцѣленіе недужнаго отрока Іоанна, сына владимірскаго дворянина Максима Сергіева Никитина; 8) исцѣленіе (1706, Март. 10) безумствовавшаго крестьянина изъ деревни Угрюмовы Аѳанасья Никитина. Рук. жит. № 273.

но и, по соображенію обстоятельствъ, истинно умилительно было исполненіе этой благословенной мысли Великаго! Когда уже приготовлено было мѣсто новаго покоища для Праведника въ новоустроенной Лаврѣ — имени Александра Невскаго — церкви во имя же св. Александра Невскаго, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: «обрѣтающіяся во Владимірскомъ Рождественѣ Монастырѣ мощи св. Благовѣрнаго В. Князя Александра Невскаго перенести въ Александровскій Монастырь». Указъ послѣдовалъ въ Іюнѣ (4) 1723 г. ([322]). Но снаряженная особая коммиссія отправилась во Владиміръ уже въ Іюнѣ 1724 г., и къ 30 Августа того года прибыла съ святынею нетлѣнныхъ останковъ Угодника. Можно представить себѣ, какія чувства наполняли души свидѣтелей торжества этого дня, назначеннаго, въ память мира со Шведами, для перенесенія св. мощей одного побѣдителя Шведовъ руками Другаго! Самъ Государь Императоръ Петръ Великій, въ сопровожденіи сановниковъ, срѣтилъ нетлѣнныя останки св. Александра; самъ переносилъ ихъ на особую галеру; самъ управлялъ галерою; самъ, наконецъ, переносилъ новостяжанное столицею его сокровище въ устроенный во имя Праведника храмъ.... Обогатившаяся безцѣннымъ сокровищемъ столица торжествовала три дня ([323])... Съ тѣхъ поръ она ежегодно торжествуетъ день пресепенія въ нее нетлѣнныхъ останковъ Угодника Божія свѣтлѣйшимъ праздникомъ, какъ заповѣдалъ ей Великій Петръ. Сдѣлавшись мѣстомъ упокоенія св. Благ. Вел. Князя Александра, съ раннихъ дней своихъ сравнялась она святынею съ древними градами русскими, превзо-

---

([322]) Полн. собр Зак. Росс импер. т. 7, стр. 74—73.
([323]) Чет-Мин. Авгус. 30.

шедши ихъ скоро внѣшнимъ благолѣпіемъ. Отъ первыхъ дней навсегда ограждена она ближайшимъ покровительствомъ Того, кто былъ славнымъ защитникомъ въ особенности сѣвернаго края Россіи при жизни, и содѣлался скорымъ и сильнымъ предстателемъ за всю землю Русскую по смерти. Отъ первыхъ дней, едва только начали стекаться къ ней со всѣхъ сторонъ насельники ея, разнообразные по своимъ званіямъ, состояніямъ и духовнымъ потребностямъ, она пріяла въ себя останки великаго Угодника Божія, Князя—инока, котораго примѣръ можетъ служить для всѣхъ и всегда лучшимъ руководствомъ въ приготовленіи къ наслѣдію того истинно-царственнаго града, въ которомъ не бываетъ ночи, нѣтъ мѣста скорби и болѣзни, есть только одно блаженство во свѣтѣ лица Божія!.— Петра не стало! На слѣдующій же годъ жители столицы праздновали 30 Августа уже безъ Великаго Монарха, припоминая прежнее торжество, какъ одно изъ послѣднихъ дѣлъ отеческой любви Петра къ своему великому чаду—сѣверной столицѣ! Но доселѣ живетъ мысль Петра въ судьбахъ царствующаго града, благоденствующаго и болѣе и болѣе возрастающаго въ величіе и славѣ, данный ей Петромъ! Да не изглаждается въ памяти обитателей первопрестольной столицы и другая мысль Петра, указавшаго намъ перенесеніемъ св. мощей Угодника, при какихъ пособіяхъ можетъ благоденствовать градъ нашъ, въ чемъ должна состоять цѣль нашихъ собственныхъ главнѣйшихъ стремленій! Покоище угодника Божія, преселившагося къ намъ по желанію Петра, да напоминаетъ намъ Петра! Мысль же Петра, съ какою онъ перенесъ въ свою столицу нетлѣнные останки св. Александра, да руководитъ нами въ прославленіи св. имени великаго Угодника Божія,

въ любви къ отечественнымъ доблестямъ, какими украшенъ былъ св. Благовѣрный В. Князь Александръ Невскій — сынъ древней Руси, въ подражаніи жизни Праведника, умѣвшаго каждое дѣло служенія своего совершать-въ угожденіе Богу!...

Вѣнценосные преемники Петра Великаго всегда умѣли цѣнить сокровище, дарованное, волею Его, столицѣ. Супруга Его Благочестивѣйшая Государыня Императрица Екатерина Первая-учредила (въ 1725 г.), согласно съ волею Петра, орденъ въ честь св. Благовѣрнаго В. Князя Александра Невскаго ([324]). Дщерь Петра Благочестивѣйшая Государыня Императрица Елисавета Петровна соорудила, въ честь св. Великаго Князя, для мощей его, раку изъ серебра, въ первый разъ при ней добытаго изъ Колыванскихъ рудниковъ ([325]). Благочестивѣйшая Государыня Императрица Екатерина II соорудила въ Александроневской Лаврѣ великолѣпный храмъ во имя Пресвятыя и Живона-

---

([324]) Собр. зак. въ указ. м., примѣч.

([325]) Лѣт. Александр. лавры г. 1750. У раки благовѣрнаго Князя съ восточной стороны устроена высокая серебреная пирамида, по сторонамъ которой два вылитыхъ изъ сребра Ангеловъ держатъ два щита. На этихъ щитахъ изображена слѣдующая надпись, сочиненная Ломоносовымъ:

«Богу всемогущему и его угоднику, благовѣрному и великому князу Александру Невскому, Россовъ усердному защитнику, презрѣвшему прещеніе мучителя, тварь боготворить повелѣвшаго,- укротившему варварство на востокѣ, низложившему зависть на западѣ, по земномъ княженіи въ вѣчное царство переселенному въ лѣто 1263; усердіемъ Петра Великаго на мѣсто древнихъ и новыхъ побѣдъ перенесенному 1724 года; Державнѣйшая Елисавета, отеческаго ко святымъ почитанія подражательница, къ нему благочестіемъ усердствуя, сію, мужества и святости его дѣлами украшенную, раку изъ первообрѣтеннаго при Ея благословенной Державѣ сребра соорудить благоволила въ лѣто 1752.

чальныя Троицы, въ который, по волѣ Ея, и перенесены св. мощи св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго съ великолѣпнымъ торжествомъ въ 30 день Августа 1790 года ([326]) А въ это время въ Царственномъ домѣ былъ уже и живый свидѣтель благоговѣнія Благочестивѣйшихъ Государей нашихъ къ памяти св. Александра Невскаго, великій Князь, потомъ Императоръ Александръ Благословенный, носившій имя Героя Невскаго. Съ тѣхъ поръ и донынѣ цвѣтетъ у насъ благословенный рядъ такихъ свидѣтелей благоговѣнія царскаго къ св. Князю—Угоднику Божію,—именемъ своимъ напоминающихъ св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго! Достойная честь святому Князю, украсившему святымъ именемъ своимъ лѣтописи и царства Русскаго, и Православной Церкви Божіей!...

О, даруй Богъ, чтобы благодарная память о св. Князѣ—Праведникѣ была также жива во всѣхъ жителяхъ столицы, во всѣхъ краяхъ Россіи,—чтобы слава его отъ насъ перешла и къ потомкамъ нашимъ, какъ къ намъ перешла отъ благочестивыхъ предковъ, возрастая вмѣстѣ съ распространеніемъ своимъ,—чтобы примѣръ святой его жизни находилъ, какъ можно, болѣе вѣрныхъ подражателей, и нынѣшніе сыны Россіи всегда также достойны были благоволенія Божія и покровительства и помощи своего Заступника—св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра и всѣхъ Святыхъ, какъ, въ дни своей жизни, достоенъ былъ онъ—Герой Невскій!

([326]) Лѣт. Александр. лавры подъ этимъ годомъ. — Не перечисляемъ разнообразныхъ даровъ, какими Вѣнценосцы чтили обитель св. благовѣрнаго в. Князя Александра Невскаго.

